

Александр Рожков

Рожденный
Богом

Александр Андреевич Рожков

Рожденный Богом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11958821
ISBN 978-5-4474-2610-1

Аннотация

В 988 году Русь приняла христианскую веру, свергнув старых Богов. Но кто сказал, что они исчезли? Что бы вы сделали, узнай, что сосед по лестничной клетке – один из древних Богов, а злобная соседка – кикимора? Илья, еще при рождении потерявший отца с матерью, был воспитан дедом. Однако он даже не подозревал, что чем-то отличается от других людей, пока однажды не ударился головой.

Содержание

Начало	7
– 1 —	7
– 2 —	10
– 3 —	16
– 4 —	19
Часть первая	22
– 5 —	22
– 6 —	32
– 7 —	36
– 8 —	48
– 9 —	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Рожденный Богом

Александр Рожков

© Александр Рожков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

– Ты не понял, Мразь, – мне нужна эта душа!

– Но, Хозяин, – пролебезило существо.

– Ты, смеешь мне перечить?! – в пещере стало темнее.

– Нет, нет, нет, – попытался он сжаться. – Но мы... пока не можем, – проговорил совсем тихо.

– Что? – блеснули недобрым светом оранжевые глаза.

– Мы не можем, – чуть громче произнес раб.

В следующую секунду Мразь оказался прижат к стене. Хозяин, хищно ощерившись, приблизился к нему вплотную, дыхнув смрадом.

– Что значит «не можем»? – вкрадчиво спросил он.

– Он еще не достиг совершеннолетия, – промямлил раб и зажмурился, ожидая, что Повелитель его убьет.

– Жаль, – спокойно раздалось, и Мразь плюхнулся на пол, отпущенный из когтистой лапы. – Сколько ему осталось?

– Четырнадцать дней, девять часов и двадцать три минуты, Господин, – выпалил раб.

– Две недели, – прорычал Владыка, постукивая когтем по подлокотнику трона. – Следи за ним.

– Да, Хозяин, – Мразь поклонился до пола и задом вышел из зала.

– Недолго тебе властвовать. Скоро этот мир приклонится пред моим тронem и тогда... – чешуйчатый кулак с силой сжался, вгоняя когти в мясо.

В темноте зала блеснули глаза, и красный раздвоенный язык прошелся по губам.

То лето запомнили даже те, кто еще не прожил свою четверть века. Это был единственный год и единственное лето, когда температура зашкаливала за сорок градусов. Город изнывал от жары: асфальт, казалось, плавился прямо под ногами, люди старались не выходить на улицу, прячась по квартирам, а кто-то на работе. Однако даже там: при открытых окнах, включенных на полную мощность вентиляторах и галлонах холодной воды, не было спасения. Единственное, что хоть как-то помогало – лес.

Небольшой, полумиллионный город был окружен густым лесом. Дубы, ели, сосны, березки, клены – смешанное зеленое братство, под которым и в котором сейчас старалась укрыться от зноя большая часть населения... ну это те, кто не работал. Ведь были и такие, кому не так повезло.

Родов Петр Михайлович был старейшим акушер-гинекологом в пятой городской больнице. Высокий, статный мужчина шестидесяти лет, с белыми, как лунь волосами зачесанными назад. Пронзительные ярко-синие глаза, смотрящие, кажется, вглубь тебя. Нос с горбинкой и теплая улыбка губ. В больнице не было ни одной женщины: будь-то пациентка, уборщица или сам главврач, которая бы ни влюбилась в него. Он был «врачом от бога» – так о нем отзывались все пациентки и врачи.

В этот день он дежурил. Родильное отделение было почти пустое, всего пять рожениц, трем из которых скоро рожать, еще двое лежат на сохранении. День обещал быть тяжелым. Нет, не потому что так много народу, а потому что:

– Эта жара меня скоро уморит до смерти, – тяжело выдохнул Петр Михайлович, вытирая шею мокрым платком, стараясь не капать на документы.

Окно было распахнуто настежь, вентилятор гонял раскаленный воздух, не, сколько помогая, сколько издеваясь над врачом, а ведь сейчас только восемь часов утра – что будет днем? Только лес, что почти вплотную подходил к родильному отделению – там любили гулять пациенты – давал хоть какое-то спасение. Его кабинет как раз выходил на солнечную сторону, и Петру Михайловичу приходилось смотреть на огненный шарик вплоть до вечера, пока он не перекатывался на другую сторону больницы. Родов любил солнце и только поэтому не хотел менять кабинет на другой, а ему предлагали. Он любил наблюдать как оно встает из-за леса, пробираясь по верхушкам деревьев тонкими, слабенькими первыми лучиками, как бы обволакивая их. Взбирается по стене на второй этаж и, приветствуя, проникает в кабинет. Солнце дарило ему радость, и каким бы тяжелым не был день – порой Родов задерживался до ночи – он знал, что солнышко, выглянув из-за горизонта, вновь проникнет к нему, согревая своими руками.

– Петр Михайлович, – ворвалась в кабинет молоденькая медсестра, – у Волосовой воды отошли, – нервно выпалила она.

– Спокойно, голубушка, спокойно – ничего страшного не произошло, – успокаивающим голосом произнес он, отрываясь от бумаг. – Вы, сядьте, отдохните, а то, поди, набегались сегодня? – указал он на стул и графин с водой.

– Спасибо, – смущенно ответила девушка, разглядев, что под белоснежным халатом врача одета майка.

Жара – единственное оправдание, которое можно придумать для того, чтобы Родов Петр Михайлович сейчас сидел за столом в халате, надев под него только трусы и майку. И то, последнее было не обязательно, просто не хотел смущать коллег и пациенток, да и он так себя чувствовал хоть немного одетым.

– Недавно у нас? – улыбаясь, поинтересовался доктор у медсестры.

– Угу... То есть – да, – кивнула она в ответ. – Месяц назад училище закончила. По распределению попала сюда.

– Понятно, – вновь улыбнулся Родов. – Ну пошли тогда, посмотрим, что там у Волосовой творится.

Роддом был еще довоенной постройки. Большое, массивное здание с высокими потолками и лепниной на стенах. Чтобы подняться на второй этаж, нужно было преодолеть широкий лестничный пролет с гнутыми перилами – лифт здесь так и не поставили, поэтому рожениц старались держать на первом этаже. На втором находились кабинеты врачей и процедурные.

Волосова Екатерина, молодая женщина двадцати пяти лет, поступила в роддом на тридцать пятой недели беременности. Все шло превосходно, ребенок развивался нормально и должен был появиться точно в срок. Так и произошло.

– Ну-с, матушка, как у нас дела?

Родов всех рожениц называл «матушка», ему доставляло удовольствие видеть, как готовиться к появлению на свет новая жизнь. И самым важным в этот момент был только один человек – матушка.

– Спасибо, Петр Михайлович, все хорошо... ой, – вздрогнула молодая женщина.

– Непродолжительные схватки, раз в двенадцать минут, – тут же пояснила акушерка, что находилась рядом.

– Ну это нормально, – успокаивающе погладил доктор девушку. – В первый раз рожаете?

– Да.

– Главное ничего не бояться, ребенок все сделает сам, когда сочтет нужным. Позовите меня, когда схватки будут раз в пять минут, – обратился он к акушерке.

В половине двенадцатого к нему вошла все та же молодая медсестра и радостным голосом сказала, что:

– У Волосовой схватки участились – каждые пять минут, – чуть ли не с гордостью возвестила она.

– Хм, странно. Рановато как-то, – поднялся Родов из-за стола. – Хорошо, пойдем, покажу тебе самое прекрасное, что может быть на свете... Эх, молодежь, – ребенка – усмехнувшись, пояснил Петр Михайлович смущенной девушке.

– Ну, давай, матушка, тужься... Давай, он ведь хочет выйти, – уговаривал он Екатерину. Волосова с покрасневшим лицом цеплялась за простынь и надрывалась в громком вое. Ей не помогала даже анестезия, которую в нее вкачали уже сверхдопустимой нормы – больше было нельзя.

– Давай, Катька, сильнее, – подбадривала рядом стоящая акушерка. – Головка показалась... Ну, давай, еще немного.

– Потерпи, матушка, скоро все закончится, – Родов пытался говорить как можно ласковее, понимая, что сейчас роженице очень больно. – Плечики...

Последними вышли крохотные ножки.

– Вот и все, матушка, – улыбнулся Петр Михайлович. – Сын у тебя – богатырь парень, – показал он малыша.

– Илюша, – улыбнулась Екатерина, услышав громкий крик. – Илюшенька.

Вдруг Волосова изогнулась дугой и закричала. Пальцы сжались с такой силой, что ногти, прорвав простынь, вошли в ладони. Кровь хлынула из недр девушки, моментом заливая кровать. Сердце стучало в бешеном ритме, словно стремясь отсчитать свой срок быстрее положенного. Лица Катерины стало пунцовым от натуги, а легкие ни как не могли сделать хотя бы маленький глоток воздуха. Где-то на краю сознания кто-то кричал, бегали какие-то тени, но все это было не важно. Единственно, что сейчас она могла видеть – ребенка. Ее маленький сынок, крепко держался за палец высокого старца с длинной белой бородой и столь же длинными волосами. Его голубые глаза смотрели на нее, а на губах была теплая улыбка, от которой боль становилось не такой нестерпимой.

– Он у тебя сильный, – как сквозь туман прозвучали его слова. – Я жду тебя.

Катерина, распахнув рот, сделала глубокий вздох, наполняя легкие до отказа... и рухнула на постель – сердце отбило последнюю черту.

Начало

— 1 —

В палате суежилась реанимационная команда, но Родов знал, что это бесполезно. Как бы в подтверждение этому закричало крохотное тельце у него на руках и с силой сжало своими маленькими пальчиками его палец. Петр Михайлович всегда знал, что реанимация не поможет. Екатерина Волосова стала в его практике... третьей, кто умер сразу после родов. Доктор горевал, что мать ушла, так и не познав своего дитя, но он верил, что тем самым она отдает свою силу и душу ребенку, которого носила все это время под сердцем.

У раковины тошнило молоденькую медсестру, а акушерка, приняв кричащего Илью из рук Родова, унесла его в отделение для новорожденных.

— Время рождения полдень, — сказал он, прежде чем акушерка вынесла младенца. — Время смерти... двенадцать ноль пять, — прикрыв глаза, сообщил он реаниматологам.

За окном, впервые за несколько недель, шел дождь. Мокрая серая стена отгородила мир от солнца, что старалось проникнуть сквозь прозрачные нити воды и не могло. Лес стал темным, словно дождь решил смыть его зеленый окрас и показать истинный цвет — грязный. Воздух наполнялся влагой, но Петр Михайлович чувствовал себя так, как будто его тело мгновенно иссохло, отдав всю живительную влагу для этого дождя за окном.

— Здравствуй, Власий Петрович.

— Здравствуй, здравствуй, Петр Михайлович, — пожал собеседник руку.

В кабинете Родова сидел человек лет шестидесяти с длинными седыми волосами, собранными в конский хвост, длинной седой бородой, посредине которой, как бы пробежала черная тропка — в молодости его волосы были темнее. Власий Петрович был среднего роста, но до сих пор могуч в плечах, хотя ходил, опираясь на палку — левая нога подводит. Карие глаза казалось, наблюдают за тобой повсюду, будь ты даже за спиной. Он был одет в кожаные штаны и коричневую рубашку, расстегнутую на груди. Старик больше напоминал хиппи, за которого его часто и принимали, оборачиваясь в след и крутя пальцем у виска — дед сошел с ума на старости лет¹.

— Как все прошло? — заинтересованно поинтересовался Волосов Власий Петрович.

— Екатерину жаль, — тихо выдохнул Родов. — Молодая ведь еще. Ей бы рожать и рожать, а она... — он посмотрел в открытое окно, в котором начинал разбег новый день.

— Да, жаль Катюшу — хорошая девка была, — вздохнул Власий. — Илья как?

— Как мы и ожидали: здоровый мальчик, крепкий и хватка у него, — Петр Михайлович вспомнил, как младенец держал его за палец. — Молоко пьет за троих, если так дальше пойдет, надо будет пополнять наши запасы.

— Михалыч, как думаешь это?... — старик осмотрелся, будто боялся, что их подслушивают. — Думаешь, это ОН?

— Не знаю, Петрович. Не знаю. Все совпадает, но кто даст гарантию, что в это, же время где-то еще не родился такой, же ребенок, — доктор внимательно посмотрел на собеседника.

— Никто не даст, — согласился Власий. — Все же надеюсь, что Екатерина погибла не зря, дав жизнь новому человеку... Когда ты его выпишешь?

¹ Рассвет движения «Хиппи» пришелся на конец 80-х годов прошлого столетия. Однако они стали появляться уже в середине 70-х годов.

– Я бы хотел его еще понаблюдать, – поспешил ответить Родов. – А через пару дней можешь забрать его. Ты ведь у него теперь один остался, – тяжело вздохнул он. – Ни матери, ни отца...

– Да, жалко Кольку, хорошим был сыном – послушным и понятливым.

– Кто же знал, что та плита рухнет на него за месяц до появления сына.

– Работа убила его, – прикрыл старик глаза, вспоминая тот день.

Каково это услышать, что твоего сына на стройке убило сорвавшейся бетонной плитой? Екатерина тогда была на даче у матери. Она так и не узнала, потому что сразу с дачи попала в больницу, а здесь ей сказали, что Николая отправили в срочную командировку. Главное, чтобы она не нервничала, главное – ребенок.

– Ну здравствуй, внучок, – принимал новорожденного в руки Власий.

Два дня пролетели в заботах. Волосов понимал, что теперь его жизнь изменится, ведь до этого он не думал, что будет... дедом-одиночкой. Странно звучит, не правда ли? Об отцах и матерях-одиночках все слышали, но чтобы старик воспитывал внука... пахивает нонсенсом. Тем не менее, Власий Петрович, вручив букет полевых цветов медсестре, взял из ее рук маленький кулек, который в это время спал.

В это время за воротами роддома исходился нетерпением водитель такси. Нет, то, что дед задерживается ему только на руку – счетчик-то включен. Его злило, что пока он тут прохлаждается, его смена подошла к концу и в это время он должен сесть в автопарке и «забывать козла» с остальными мужиками. Так ведь нет, надо было старику позвонить за десять минут до конца смены, а диспетчеру – вот дрянь – послать именно его. А все потому, что вчера он отказал Ленке – тридцатипятилетней бабе, которая положила на него глаз.

Он уже несколько раз в нетерпение давил на клаксон, надеясь, что это подгонит старика.

– Наконец-то, – пробурчал он, когда на асфальтовой дорожке показался старый мужчина с ребенком на руках. Он медленно ковылял, так как палка была зажата подмышкой. – Давай, дед, шевели костылями, – выругался таксист и вновь нажал на клаксон.

Раздался противный гудок. Власий оторвал взгляд от мирно спящего Илюши, которого даже не разбудил этот звук и, нахмурившись, посмотрел на водителя.

– Зачем гудишь, ребенка разбудишь? – негромко произнес он, вглядываясь в лицо мужчины за «баранкой».

Таксист увидел, как старик поднял голову и посмотрел на него. Он смотрел беззлобно, как-то укоризненно, словно на нашкодившего ребенка, но почему его тогда прошиб пот? Ладони вспотели и соскользнули с руля, а в горле пересохло так, что он был готов сейчас выпить литра два пива залпом. Вместо злости и раздражения в теле появился страх. Не такой как при встрече с кем-то более грозным и опасным чем ты сам, а... Казалось, ты боишься этого старика, как своего отца: если что – выдерет.

Счетчик мерно отсчитывал время, по дороге неспешным шагом шел старый человек с новорожденным внуком на руках, а в салоне такси водитель исходил нервами. Он сам выбежал, когда Власий Петрович подошел к машине, и открыл дверь, пропуская его внутрь. Потом тихо закрыл ее и так же осторожно сел за руль, стараясь как можно меньше шуметь, словно от этого зависела его жизнь. Старый мотор недовольно заворчал, пару раз чихнул, и машина тронулась. Это был первый раз, когда таксист не нарушил не одного правила движения: скоростной режим, светофор, знаки – все соблюдено.

Волосов никак не мог налюбоваться на мальчика. Его маленький носик – как у отца, ушки, темненькие волосики, что пробиваются из-под шапочки. Волевой подбородок – это дедовская черта, а вот синие глаза – все, что осталось от матери. Маленькое тельце было

почти невесомым, и первое время Власий даже боялся не смотреть на него, ведь может и не почувствовать, что в руках кто-то есть.

Старообрядческая улица, дом три: такси остановилось точно возле подъезда и водитель, словно лакей, распахнул заднюю дверь, помогая выйти старику.

– Сколько? – не глядя, спросил Власий.

– Ничего, ничего, это подарок, – чуть ли не отскочил в страхе от него таксист. – Такая радость, а вы про какие-то деньги, – чуть ли не пролебезил он.

Волосов только улыбнулся, но сунул в карман испуганного водителя трешку. Машина, взвизгнув покрывками, скрылась в ту же секунду, как Петрович ступил на первую ступень дома.

– Ну, здравствуй, здравствуй, Щур, – потрепал старик собаку. – Соскучился поди, пока я за внуком-то ездил?

Пес пару раз негромко тявкнул, понимая, что не стоит будить спящего малыша.

Власий присел на корточки, хотя нога при этом отдала старой болью, и дал собаки понюхать нового жильца.

– Запомни, Щур, теперь и он под твоей защитой, – пес посмотрел на старика. – Да, он важнее меня, отныне это твой хозяин.

Щур вновь негромко тявкнул, как бы соглашаясь с новыми правилами. Пес был из породы кавказских овчарок: крупная особь, с массивной головой и крепкими челюстями. У него был необычный рыжий окрас и, порой, когда солнце подсвечивало его, казалось, что собака объята пламенем.

— 2 —

— Де-е-да-а, — протянул карапуз.

— Правильно, Илюша — деда, — улыбнулся Власий, глядя, как внук прыгает на кровати, держась за деревянные прутья.

— Де-да-де-да-де-да-де-да-де-да, — зашумел радостно малыш, пуская пузыри. Лицо его так и светилось от радости, а ноги все не переставали двигаться, невысоко подбрасывая тельце.

Илье всего одиннадцать месяцев, а он уже шустро бегает и пытается говорить. Порой он сидит в кровати и что-то свое мастерит: то складывает домик из игрушек, то отрывает им ноги, а потом пытается закрутить обратно. Взгляд его при этом задумчивый, словно он решает задачу не меньше вселенского масштаба, язык высунут, а по подбородку стекает слюна. Власий любит наблюдать за внуком и не вмешивается в его игры, пока малыш не попросит его об этом. При этом он делает такой жалобный вид, протягивает игрушку в маленьких ладошках и чуть ли не плача говорит: «Де-да». Трудно удержаться, чтобы не засмеяться при этом, но Волосов старался держать лицо и со всей строгостью осматривать повреждения. Он садился рядом с Илюшей, и они вместе решали что делать.

— Может так? — спрашивал Власий Петрович, примеряя ногу к кукле.

— Не-е, — строго говорил карапуз.

— А если так? — старик поворачивал сломанную деталь по-другому.

— Де-да, де-да, — радостно кричал малыш, подпрыгивая на маленьком стульчике.

Власий принимал задумчивый вид, легко чинил поврежденную игрушку и отдавал ее внуку. Столько радости нельзя передать, книга попросту не вместить ее всю.

— Деда, а откуда дети белутся? — как-то задумчиво спросил четырехгодовалый Илья, собирая разноцветную пирамиду.

Власий аж чаем поперхнулся. Не то чтобы вопрос стал для него неожиданным, просто он не предполагал, что он прозвучит в таком возрасте.

— Как тебе сказать, — откашлялся старик. А, действительно — как? — Все начинается с того, что встречаются мама и папа... — начал он.

В детсаду был собран большой коллоквиум и на повестке дня стоял только один вопрос: «Откуда берутся дети?»

— Не-не, их птица плиносит! — кричала девочка справа.

— А мне папа говорил, их находят в цветах, — важно заявил мальчик слева, тот, что в очках.

Илья всего две недели ходил в сад, что рядом с их домом и не всех еще знал по именам. В саду ему нравилось: здесь было много детей, с которыми он усел подружиться, вкусно кормили, а еще тут было много игрушек и добрые тетя, которых все называли «во-спитатель». Илюше нравилось здесь и сейчас он кружкой по полу, призывал всех к молчанию.

— Вы сто, не плавило все, — замахал он на остальных ручками. — Мне деда говорило, сто все не так. Снасала встлечаются мама и папа, потом они целуются... — вот тут хор ребятшек совсем умолк, распахнув удивленные глазенки и внимая каждому слову Ильи, — ... а потом они, — карапуз сделал большие глаза и выдал всю правду, — идут на оголод и ищут детей в капусте.

Раздался дружный вздох удивления, и некоторый малыши начали задумчиво потирать затылки, видимо, стараясь представить себе этот процесс.

— Ребята, — прервал их воображение голос воспитателя, — у нас новый мальчик. Вот... познакомьтесь.

Зинаида Павловна отошла в сторонку, а у нее за спиной стоял мальчуган четырех лет. Непослушные рыжие волосы, которые все же пытались побороть с помощью воды и какого-то геля, от чего его голова казалась прилизанно-всклобоченной. Голубые глаза, несколько веснушек вокруг озорно вздернутого носа и палец, увлеченно путешествующий по неизведанным глубинам носа.

– Его зовут Георгий Веснов, прошу любить и жаловать, – представила воспитательница мальчика.

Дети понимали, что такое «любить», но никто из них не понимал, что значит «жаловать». Что это за странное слово такое и, что оно означает, было для них загадкой, которую они так и не разгадали. Но сейчас не об этом.

– Здр-р-равствуйте, – прорычал мальчик, протягивая букву «р». При этом у него получилось изобразить мотор машины, чем он вызвал смех у остальных.

– Илья, – вежливо поздоровался Волосов, протягивая маленькую ладошку – так здоровался дедушка и сейчас он старательно повторяет его.

– А меня зовут Георг-р-ргий, – медленно произнес новенький, вытащив палец, а потом тут же быстро выпалил, – а еще Гоша, Гога, Гер-ра, Жора, Егор-р и Егуня.

С каждым новым именем Илюша поднимался все выше, но на последнем плюхнулся обратно на горшок, а Веснов вновь увлеченно засунул палец в нос и начал там что-то искать.

Да, забыл сказать, что обычно острые вопросы: «Откуда берутся дети?», «Почему небо синее, а дождь мокрый?», «Почему ветер дует, и холодно?» – решались на общем собрании в туалете. Дети кругом, усаживаясь на горшки, словно на кресла и начинали обсуждение. Видимо им так лучше думалось.

В тот день они так и не пришли к общему мнению «Откуда берутся дети?», зато многим понравилась идея новенького.

– А мне папа говор-р-рил, – опять прорычал он, – что меня пр-р-ринес добр-р-ый волшебник.

Сразу же со всех сторон посыпались вопросы: «какой, а как он выглядел, во что он был одет?» – девочки интересовались, «было ли у него оружие или хоть бы собака?» – это уже со стороны мальчишек.

Гоша рассказывал, да так, что все сидели с открытыми от удивления глазами и ртами, в которых можно было устроить не одно гнездо. В конце выяснилось: волшебник был одет в розовое, был красив, носил с собой автомат и имел сторожевую собаку. Которая и держала новорожденного в зубах, прежде чем отдать его родителям. Удовлетворенны были все и мужская и женская половины «зала заседаний», а новенький прочно вписался в коллектив.

– Волосов... Илья, к доске, – усталым голосом позвала учительница.

Из-за третьей парты поднялся паренек тринадцати лет. Аккуратно зачесанные назад волосы, добротный костюм, под партой дипломат. Илья резко отличался от своих сверстников: ему не хватало очков, и издали его можно было бы принять за учителя, что происходило уже не раз.

– Давай, Волосов, реши нам эту задачу. Садись, Веснов, очередная двойка, – с грустью в голосе произнесла Венера Ильинична, рисуя красной ручкой в дневнике «лебедя». – И когда ты за ум возьмешься? – вздохнула она.

– Эх, Венера Ильинична, я бы взялся за него, да вот только черепушка мешает, – притворно тяжело вздохнул Георгий и попытался добраться до мозга, копошась во все еще непослушных волосах.

Учительница закатила глаза, а класс грянул от смеха.

– Давай, брат, нарисуй им ответ, – ткнул Гошка Илью под ребро и озорно подмигнул.
– Все, все, класс, – сама еле сдерживалась от смеха Венера Ильинична. – Илья...

давай, – кивнула она на доску.

На черной поверхности была выведена несложная задача с дробями – три действия и она решена, но, все на что хватило Веснова – правильно написать план. Илья уже давно ее решил в тетради и как мог, старался подсказать другу, что мучился возле доски, но Гошка, то ли не слышал, то ли не хотел слушать. Он больше кривлялся, чем писал, за что и схлопотал очередной «неуд».

– Вот, Веснов, бери пример с Волосова, – наставительно указала учительница на доску, на которой уже было решение. – Садись, Илья – пять.

– Ох, Илья Николаевич, закончишь ты школу с красным дипломом, – который раз пригрозил Георгий другу, когда тот вернулся за их общую парту.

– Ничего, мы еще побарахтаемся, – ответил ему Илья.

Они дружат с детского сада. Вместе сидели на горшке, рядом спали, играли в игрушки, даже маленькие парты стояли бок обок. С тех пор прошло девять лет, они подросли, наконец-то узнали, откуда берутся дети, и нашли ответы на другие «важные» вопросы. Георгий, худенький веселый паренек, с рыжими непричесанными волосами и кучей веснушек по всему лицу. Он бесшабашен, любит шутить, дурачиться и сидение в школе для него мука. В отличие от Ильи. Волосов-младший почти одного роста с другом, но он всегда причесан, аккуратно одет, вежлив, где нужно. Илюша (как его порой называет дед) хорошист, но не отличник как Генка Морозов, вон он сидит на первой парте и внимательно слушает учителя математики. Генка тоже из их старой компании, это он когда-то утверждал, что детей находят в цветах.

Илья мог бы стать отличником, ему для этого нужно было чуть-чуть поднапрячься, но... он не хотел. Уроки и знания давались легко, он все запоминал пусть не с первого, так со второго раза и порой ему было не интересно сидеть на занятии, потому что он уже знал его.

Вот удивляет, как Гошка доучился до шестого класса с его отношением к урокам? Ответ кроется как всегда рядом – Илья. Это он его тянул с первого занятия в первом классе, когда вместо того чтобы слушать учительницу Гога залез на стул и выдал гимн СССР. Антонине Федоровне стало плохо, а классу слишком смешно – так Веснов первый раз попал к директору... где на бис исполнил тоже произведение. Вскоре кабинет директора стал для него родным, уж слишком часто его туда отправляли за хулиганское поведение. А все хулиганство состояло в том, что он скажет что-нибудь простое, а весь класс хохочет и срывает урок. Особенно у него случались, как он сам говорит: «обострения». Происходит это весной: вместо того чтобы исправлять набранный за год «тройки» и «двойки» он как будто с ума сходит. Шуточки, проказы, розыгрыши льются нескончаемым потоком, и ничего тут не поделаешь. Остается только разводить руками, что и делали учителя, иногда лишь приглашая в школу его родителей – толку мало.

Однако сейчас только начало учебного года.

– Илюх, может ну эту физру, пошли лучше в лес, – подначивал Волосова друг.

– Георгий, Георгий, ну когда ты возьмешься за ум, – горестно вздохнул он, правдоподобно скопировав Венеру Ильиничну. – Пошли, конечно, все равно последняя пара, – улыбнулся он, и скоро они уже были на улице, устремляясь в сторону леса.

За прошедшие года лес немного поредел, но не утратил своего величия. В нем... да, именно в нем – в лесу, появлялись новые дома, улицы, школы, магазины, но все же он до сих пор хозяйствовал на этих просторах.

Мальчики вбежали под сень деревьев и устремились по еле заметной тропе вглубь. Еще несколько лет назад, когда оба только-только поступили в школу, они часто заглядывали

сюда и играли в исследователей. В один из игровых дней они забрели довольно далеко и даже испугались, что не смогут вернуться обратно. Тут бы вступить в силу панике, слезам, крикам, но в это время они наткнулись на старую избушку. Деревянная, низкая, перекошенная и скрипит, стоит на нее даже дунуть, но ребята были в таком восторге, что забыли о своих неприятностях.

Внутри домика валялся какой-то мусор, пара сломанных стульев и тухлявый стол, который рассыпался, когда Илья оперся на него. С этого дня избушка стала некой штаб-квартирой, в которой друзья устраивали заседания для разрешения новых «важных» вопросов, здесь они играли и порой даже делали уроки. Точнее Илья делал, а Георгий в это время «ходил на голове». Они привели дом в порядок, сами сделали для него стулья и стол, заколотили стену и подправили потолок, который протекал в особо дождливые дни.

Вот и сейчас они устремились к своему убежищу, о котором никто не знал – это их тайна. Вокруг стоял густой лес, касаясь избушки своими ветвями-пальцами, кустарник облеплял ее со всех сторон так, что можно было пройти рядом и не заметить постройки.

– Эй, Жык, смотри, опять эти двое.

– А-а, сладкая парочка, – протянул тот, кого называли Жыком. – Стах, давай поиграем с ребятами, – усмехнулось существо.

– Илюшь, ты не понимаешь, – пытался втолковать Гоша, – Танька не та девчонка, ради которой стоит так надрываться. Тем более что Наташка на тебя глаз давно положила.

– Да, конечно, – как-то неуверенно возражал парень, – но все же.

– Слушай, поверь мне как другу...

– Ты и есть мой друг.

– Вот я к чему и веду – с Танькой у тебя не выгорит. Потом говорят, что она снюхалась с каким-то старшекласником.

– Гош, ты не понимаешь...

– Привет, голубки, – раздалось вдруг из кустов.

Друзья недоуменно переглянулись. По их идеи в этой чаще никого не должно быть, тут даже птицы не всегда поют. Они начали оглядываться, стараясь отыскать новый источник речи.

– Ну, что смотришь? Глазенки не вылупливай, а то на лоб уползут, – тем временем вновь раздался несмешливый голос.

– Ты где? – не выдержал Веснов.

– Гошка, уходим, – тихо произнес Илья, поднимая тяжелую ветку с земли.

– Куда это мы собрались? – прозвучал прямо над ухом вопрос.

Ребята обернулись и на миг опешили, увидев, что на высоте трех метров, на голой от веток сосне сидит... а может, висит?.. бомж. По-другому назвать вот это нельзя. Рваная одежда, весь всклокочен, лицо такой, словно неделю не просыхал, удивляло только одно – как он держится?

– Ну что, голубки, прогуливаетесь? – тем временем спросил Жык.

– Нет, – осторожно ответил Георгий.

– А я думаю – да, – вышел из кустов Стах, ровно позади ребят, отрезая им путь.

– Куда катиться молодежь, – ухмыльнулся, спрыгивая с ветвей другого дерева Рог. – Уже даже не скрывают, что «голубки».

– Осторожнее, дядя, – Илья направил ветку на бомжей, которых уже было трое.

– Ой, ой, ой, какой не хороший мальчик, направил веточку на бедного дяденьку, – улыбаясь кривыми зубами, вырос перед ребятами еще один оборванец.

– Стык, эти любовнички думают, что про их игры никто не знает, – в голос рассмеялся Рог, подталкивая собрата в ребра. – Может они нам покажут, как это делается? А то мы люди темные, в лесу живем и городских обычаев не знаем – вдруг это сейчас модно.

Бомжи заржали, а тот, кого называли Стыком, недобро блеснул глазами. Вот тут ребята поняли, что нужно делать ноги иначе... Про»«иначе» думать не хотелось, но картинки недалеко будущего посетили обоих, и они не кончались ничем хорошим.

– Жык, слезай, поможешь голубкам решиться, – тем временем оскалился Стах, – а то они застыли от нетерпения.

– Беги! – решил Илья и с размаху врезал ближайшему бомжу веткой по голове.

Гошка рванул, что есть силы, умело, проскальзывая под руками одного из мужиков, который пытался его остановить. До избышки было всего несколько метров, и Веснов бежал именно туда.

– Урод, – взвыл Рог, хватаясь за обожженное ударом лицо. – Убью, – вскричал он, протягивая к Илье длинные пальцы.

Волосов не стал дожидаться, пока его схватят, а быстро прошмыгнул сквозь зазевавшихся от такой наглости бомжей и побежал следом за Георгием.

– Поймать их! – донеслось ему в спину, и парень припустил быстрее, понимая, что единственное место, где они могут спрятаться – их лесной домик.

– Илюха, быстрее! – кричал ему, стоя на пороге, Гошка.

Парень влетел в дом и Веснов тут же закрыл дверь. Не так много вещей было внутри, чтобы забаррикадироваться, ведь простой замок, вряд ли выдержит долгий натиск.

– Открывайте, ублюдки! – взорвалось за дверью. – Открывай дверь, гаденыш, иначе выломаю ее!

– Илюха, что делать? – не то чтобы испуганно, но взволнованно спросил Гошка.

– Держи, – Илья сломал об пол стул и бросил одну ножку другу.

В это время в дверь стучали, били, ломились, стараясь ворваться внутрь. Рог бесился и не оттого, что его ударили – он не чувствовал боли, а потому что его посмел ударить человек. Это разъярило больше всего, и сейчас он хотел только одного.

– Убью, тварь!

Жык, Стах и Стык пытались его успокоить и как-то урезонить, но существо было не остановить. Оскорбление, нанесенное человеком, могло быть прощено только в одном случае – обидчик должен умереть. Как раз сейчас он этого и добивался.

– Открой, ну открой, – жалобно выли под дверью Рог. – Я тебе глаза вырву, сука! – тут же переходил он на крик.

Дверь трещала, готовясь упасть в любой момент. Стол и два стула, один из которых сломан, не удержат натиска, а он все усиливался. Илья старался сосредоточиться, хотя трудно это сделать, когда сердце готово вырваться из груди, а ноги хотят убежать как можно дальше, но дальше только стена. Ножка стула мелко подрагивала в руке, потому что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: дверь не выдержит, и будь ты даже качком переростком, против четырех разъяренных противников тебе не выстоять. Гошка стоял, зажмурив глаза, и что-то быстро шептал, двигая одними губами, слов не слышно, но и так понятно, что это не заказ пиццы по междгороду – молитва.

Сила ударов нарастала, а слабая дверь сдавала позиции, грозясь оставить ребят один на один с грозными бомжами.

– ...Защити, – выдохнул Георгий и плюнул на пол кровавым сгустком.

Илья так ничего и не понял, только вдруг в дом ударил сильный порыв ветра, завыв в щелях так, словно стая волков одновременно попала в капкан. Избушка затрещала, грозясь попросту перевернуться, удары на дверь прекратились, как и оскорбления, но ненадолго. Вместо криков раздался треск ломаемых веток... жалобный скулеж, и кто-то быстро заговорил на незнакомом диалекте. В ответ на явное увещевание сильнее завыв ветер, а потом раздался крик, и в стену несколько раз что-то сильно ударило. Прежде чем все стихло, раздался удаляющийся стон – уходящему было очень больно.

– Что это? – со страхом в глазах посмотрел Илья на Георгия.

– Не знаю, – сглотнул тот подступивший к горлу комок.

– Эй, там есть кто-нибудь? – вдруг раздался зычный голос и в дверь постучали.

Ребята вздрогнули, да так, что казалось по всему дому пошли волны.

– Не бойтесь, они ушли, – тем временем продолжал голос. – Откройте. Я лесник. Меня не стоит бояться.

Легко сказать «не стоит», когда несколько минут назад тебя хотели разорвать на мелкие кусочки кучка сумасшедших бомжей. Кто даст гарантию, что это не их уловка, дабы выманить парней из хрупкого убежища? Веснов еле стоя на ногах, осторожно подошел к двери и прильнул к щелям, коими она была щедро награждена. Он всматривался несколько секунд, а потом отбросил ножку стула и смело открыл дверь.

– Привет, хлопцы, – поприветствовал ребят бородатый мужчина.

— 3 —

– Дядя Мить, а кто это был? – задал животрепещущий вопрос Илья.
– Так шушера мелкая, – отмахнулся лесник. – Они, в общем-то, безобидны.
– Ничего себе»«безобидны»», да они нас чуть на лоскуты не порвали, – громко возмутился Георгий, отхлебнув из чашки горячего чая.

Когда Веснов открыл дверь за ней стоял мужчина на вид лет пятидесяти. Черные, почему-то отдающие зеленым, волосы, да и длинная борода такая же; горбатый нос; жесткие губы; загорелая кожа казалось вырубленная из дерева, а жилы, словно корни, переплетаются на оголенных по локоть руках. Однако при кажущейся строгости серые глаза смотрят на ребят с добротой. На леснике добротный костюм цвета хаки, отчего он сливался с окружающей местностью и черные высокие сапоги, словно он собрался ходить по болоту.

– Как вы, ребят? – первое, что он спросил, когда дверь была открыта.
– Вы кто? – вместо ответа, выглянув из-за двери, осторожно поинтересовался Илья.
– Лесник я, дядя Митя меня зовут, – представился мужчина и шутливо козырнул, только что каблукам не прищелкнул. – С вами все в порядке?
– Нет, – честно признался Волосов. – Нас только что пытались убить четверо бомжей. Они, наверное, убежали, когда вас увидели, – предположил мальчик, оглядывая место перед избушкой.

– Наверно, – пожал плечами лесник. – Лучше пойдем ко мне в сторожку, а по дороге все и расскажите, – предложил он.

До домика лесника было километра два, и по дороге туда выяснилось, что некогда штаб-квартира ребят принадлежала дяде Мите – была его прошлой сторожкой. Но лес мельчал, и ему пришлось переехать в другое место, чтобы было удобнее нести свое дежурство.

Сейчас же Илья и Георгий сидят за крепким дубовым столом на таких же крепких лавках и с удовольствием пьют чай с вареньем из лесных ягод.

– Дядя Мить, а чего у вас бомжи по лесу разгуливают, так ведь и напасть могут на кого-нибудь? – нервы уже успокоились, но все, же Илюша переживал, ведь бросать их домик не хотелось, а если те мужики заимели на него зуб, то дорога до избушки станет опасной. Неужели придется забыть об их штаб-квартире?

– Не волнуйся, они больше вас не потревожат, – словно прочитав мысли мальчика, ответил мужчина. – Ваши родители хоть знают где вы?.. Понятно, – протянул он, видя, как глаза ребят опустились.

– Дед! Деда, ты где? – звал мальчик

За окном уже глубокий вечер, а Илья только-только вошел в квартиру. Лесник дядя Митя вывел ребят из леса, пожурил за то, что ходят одни, но пообещал, что теперь их не тронут и они могут спокойно приходить в лес. Только с одним условием:»«Заглядывайте иногда, навещайте старика, – усмехнулся он. – У меня еще много варенья»». Ребята пообещали. Причем пообещали искренне, ведь обоим понравился лесник.

– Илейка, ты? – глухо донеслось из кабинета.
– Да, я, – немедленно отозвался парень. – Привет, дед, – вошел он в рабочую комнату.
– Привет, внучек, – отозвался Власий. – Как дела? Что так поздно?
– Дела хорошо, по математике пять получил, с Гошкой в лес ходили, – осторожно добавил он.

От дедушки Власий у него секретов не было... ну почти не было. А потом дед каким-то чудесным образом узнавал, что на самом деле делал внук, даже если Илья нарочно врал. Он долгое время не мог понять, как Власий узнает, где он сегодня был и что делал, а ведь порой мальчик специально врал. Нет, не потому что не доверял деду, а потому что хотел узнать – как? Однако Власий так и не сказал внуку, кто является его тайным информатором. Илья одно время думал на Гошку, но тот клятвенно заверил его, что пусть он лучше сквозь землю провалиться, чем сдаст лучшего друга. В конце концов, парень оставил попытки узнать и теперь не удивлялся, если он его поправлял, указывая на точное местонахождение.

– С лесником там познакомились, – пояснил Волосов-младший на взгляд старика.

– А, Дмитрия Ивановича встретили, – поморщив лоб, откликнулся Власий. – Знаю, знаю – хороший мужик.

– Ага, – подтвердил внук. – Много о лесе знает.

– Ну так он там не первый год обитает, странно, если бы он не знал своего царства, – усмехнулся дед. – На кухне ужин, так что мой руки и вперед, тебе еще уроки делать, – вновь углубился в компьютер Власий Петрович.

Волосов и в доперестроечные времена и во время перестройки, да и сейчас работал только по одной профессии – ветеринар. Но он не был простым работником какой-нибудь захудалой клиники для животных. Нет, Власий курировал целые деревни и села, где обитал живность: наблюдал, давала указания, консультировал, порой сам делал особо сложные операции – он любил животных, и они отвечали ему тем же, порой удивляя заводчиков и председателей тем, что поправлялись быстрее обычного, а порой и увеличивая собственную продукцию. Коровы давали большой надой, курицы – яйца, овцы – шерсть. Слава Власия быстро распространилась, и скоро он уже был личным консультантом правительства. Ведь наверху сидят люди, которых дома ждут не только жены, мужья, дети. Кошки, собаки, птицы, иногда нечто более экзотическое – все это было прерогативой Волосова Власия Петровича – его слушались, беспрекословно зная, что просто так этот человек ничего не посоветует. В результате своей работы, Власий в Брежневские времена получил пятикомнатную квартиру, в которой он сейчас обитает с внуком. Большая гостиная, две спальни, кабинет Волосова, в который Илья входил только по разрешению, либо когда там сидел дед. Пятая комната когда-то была спальней, но сейчас она пустовала. Власий Петрович хотел, чтобы в этой квартире жили его дети и внуки, но все вышло иначе.

– Привет, Щур, – потрепал Илья пса по холке. Собака радостно гавкнула пару, раз и снова уткнулась в миску с едой.

На большой кухне был еще один необычный жилец – птица. Ну скажите:»«Птица и птица. Что в ней такого? У многих дома есть попугаи, канарейки, кенары и другая летающая братия»». Отвечу вам тем, что вряд ли даже орнитологи смогли бы сказать, к какому семейству или отряду, а тем более виду можно отнести вот эту живность. На жерди, сделанной из толстого сука дуба, сидела птица: ворон – не ворон, грач – не грач, крупная, с острым клювом и когтями, который со скрипом входили в высохшее дерево. Жесткие черные крылья, которыми птица укрывалась на ночь, имели красную окантовку, из-за чего было похоже, что пернатое ранено. Однако больше всего Илью поражали ее глаза: умные, более похожие на человеческие, казалось, они видят все, даже когда она спит.

– Здравствуй, Баюн, – поздоровался паренек, осторожно проходя рядом. Честно говоря, он побаивался птицы, хотя дедушка не раз утверждал, что Баюн умный и ничего Иле (и так он его иногда называл) не сделает. Все же мальчик не рисковал.

Старший Волосов любил разговаривать с птицей, порой засиживаясь с ней за полночь и это не было каким-то бредом. Илья был уверен, что пернатое понимает деда, а, может даже, отвечает. Порой Баюн исчезал, Власий говорил, что он полетел крылья размять. Иногда птицы не было несколько часов, а бывало, что и несколько дней.

Рог сидел на дереве и все трогал лицо. След давно прошел, боли так вообще не было, только в памяти осталась большая зарубка, которая не давала покоя – его ударил человек. Человек, который ушел от наказания.

– Забудь об этом, – в который раз говорили ему друзья.

– Стах, ты знаешь, что такое нельзя забывать, – зло буркнуло существо, вновь дотрагиваясь до лица. – Мальчишка должен умереть – ты это знаешь. Вы все знаете, что я должен его убить.

Рог прав и Стах, и Жык, и Стык понимали, что древний обычай требовал крови оскорбившего. Однако они так же понимали, что:

– Леший ведь предупредил, чтобы мы не трогали этих пацанов, – попытался образумить собрата Жык. – Ты знаешь, что с ним лучше не шутить.

Они очень хорошо запомнили трепку, которую им устроил невесть откуда взявшийся лесной царь. Никто не ожидал, что он так осерчает. Леший знал, что в его лес обитает эта четверка, но он не вмешивался в их дела, только предупреждал, чтобы особо не распоясывались. Тут, же он впервые применил свою силу в полной мере.

– Да насрать на Лешего, он мне не хозяин, – буркнул в ответ Рог, правда сделал это шепотом – и у деревьев есть уши.

– Забудь ты их, не наше это дело с людьми разбираться. Для этого злыдни есть, – положил ему руку на плечо Жык. – Пошли кого-нибудь попугаем, – предложил он.

– Не хочу, – насупилось в ответ существо и отвернулось к стволу, давая понять, что разговор окончен.

– Ну как хочешь, – пожал плечами Жык и спрыгнул с дерева.

Тех, кого Георгий и Илья приняли за бомжей, на самом деле ими не являлись. В отличие от последних у них был дом – лес. Да они жили в лесу, причем давно. Жык, Стах, Рог и Стык были... татями.

Среднего роста создания, больше похожи на людей: лохматы; имеют небольшой темно-зеленый волосяной покров; маленькие, близко посаженные глаза; нос картошкой; бескровные губы и желтые кривые зубы. У них длинные руки, которые достигают колен и оканчиваются когтями на столь же длинных пальцах. Одеждой им служат лохмотья, которые добываются на близлежащих помойках, а лапти они делали сами, используя бересту. И хотя татями в старину называли разбойников, эти существа все же были порождением леса.

– Мальчишка должен умереть, не будь я татем, – кулак врезался в ствол дерева, а в глазах Рога мелькнула решимость.

— 4 —

— Вот ты и взрослый, Илья Николаевич, — завязал узел на галстук внука Власий.

— Сам удивляюсь, дедушка, как добрался до такого.

Илье, действительно, казалось, что одиннадцать лет длились очень долго и как многие он с нетерпением ждал окончания последнего года. Но, когда прозвенел последний звонок, тут же следом прозвенел первый — экзамены.

Все! Все уже позади, осталось только получить аттестат и гуляй душа, до поступления в институт.

— Дедушка, ну давай... меня уже ждут, — торопил Власия внук, прочитывая пятую SMS-ку за последние пятнадцать минут — Георгий ждал его возле подъезда.

Однако Власий Петрович не торопился, аккуратно повязывая Илье новый галстук, неторопливо застегивая запонки. Мальчик... хотя какой он мальчик?.. Юноша мог все это и сам сделать гораздо быстрее, чем старик, но он понимал, что деду приятно вот так собирать его на первый выпускной вечер.

— Илюха, где ты шляешься?! — негодующим вопросом встретил его Веснов. — Там же без нас начнут.

— Не бойся, не начнут, — спокойно ответил Илья, хотя внутри у самого все жалось — а вдруг все-таки начнут?

Нет, не должны. Илье, как одну из лучших учеников должны с почетом вручить аттестат. А Гошка хоть и закончил с одними тройками, но он вместо тамады будет развлекать всех остальных — его даже просить об этом не пришлось. Так что без них не начнут, тем более что официально до выпускного вечера еще целый час.

Рассвет занимался медленно, как бы нехотя вылезал из-за горизонта. Потягивался первыми лучиками, взбираясь по стволам деревьев, старясь взгромоздиться на их верхушки. На траве была утренняя роса, но уже сейчас чувствовалось, что день обещает быть жарким.

11»«Б»» в свое время решил, что не будет справлять выпускной на городской площади — там и без них народу будет полно. Не захотели они ехать и в близлежащую Москву, хотя родители многих были»«за»». Класс согласился только на официальную часть в школе, где их с напутствиями отпустили во взрослый мир и где учителя, после закрытия актового зала, вздохнули с облегчением.

Сам выпускной, класс решил устроить в лесу на поляне. Причем решение было почти единодушным.»«Почти»» потому что трое на тот момент болели и не могли голосовать. За годы прошедшие с первой встречи с лесником дядей Митей, — которая началась, скажем, откровенно, страхом за собственную жизнь, — Илья и Георгий успели привязаться к этому милому человеку. Это он им предложил праздновать в лесу, а не гулять по городским джунглям. В качестве убеждения Дмитрий Иванович показал ребятам замечательную поляну. Она со всех сторон была окружена деревьями и кустарниками, который образовывали почти идеальный круг. А сверху, словно мощный софит поляну освещало солнце, играя»«зайчиками»» на листве. Посреди поляны была специально выкопана яма, в которой — отступая от правил — дядя Митя разрешил разжечь костер.

— Шашлыки, — радостно взвизгнул Гошка, подпрыгивая.

— Да, — вздохнул лесник. — Эх, молодежь, в наше время никаких выпускных не было. Завидую я вам, — опять вздохнул он. — Только смотрите — не буянить, — строго предупредил Дмитрий Иванович.

Кто еще может похвастаться тем, что проведет выпускной вечер, не разглядывая надоевшие красоты города и не трясясь на душном танцполе, в каком-нибудь клубе, а на при-

роде? Естественно все были только»«ЗА!»» У них вообще класс был дружный, а многие так вообще дружили, чуть ли не с яслей и песочниц во дворе.

Когда официальная часть была закончена 11»«Б»» шумной толпой устремилась по домам, чтобы через полчаса собраться возле леса и ринуться на выпускную поляну.

Лес забрал в себя двадцать ребят, сомкнув за спиной последнего ветви-руки, а кусты способствовали этому. Выпускники смогли бы найти нужную полянку и без Ильи с Гошей, что показывали дорогу. Музыка – вот что вело бы бывших учеников. Она негромким звуком была той дорожкой, что указывала путь через кусты в нужном направлении. А на поляне дядя Митя сделал небольшой сюрприз: два крепких стола вросли ножками в землю; под небольшим тентом стояла пластмассовая посуда и хрустальные фужеры, рядом высились бутылки шампанского – необычно. Из магнитофона звучала что-то из старых шлягеров, а посреди поляны уже горел костер, распаяя своими огненными лепестками мангал. И кто теперь скажет, что он провел свой выпускной лучше?

– Илюш, ты молодец, – чмокнула Наталья юношу в щеку.

– Да ладно тебе, – смутился тот.

– Нет, чего»«ладно»»? Ты смотри, как все классно придумал, – толкнул его в плечо Генка Морозов.

– Я же не один все это, – попытался столкнуть часть похвалы он на Гошку и лесника.

– Не прибежняйся – все замечательно, – улыбнулась Наташа. – Пойдем, потанцуем, – и прежде чем Илья что-то успел сделать, она схватила его за руку и потащила на импровизированную танцплощадку.

Еще несколько парочек топтались на месте, под негромкую музыку. Небольшими группками и влюбленными парами ребята разбрелись по поляне, а кто-то даже спрятался за кустами. Ну, мы же взрослые и все понимаем.

– Налей мне, – попросила Наташа, когда они проходили рядом со столом.

Волосов налил два фужера и один передал девушке.

– Давай за то чтобы... – она замолчала и чуть наморщила лоб.

– Давай просто за тебя, – предложил юноша. – За то чтобы мы никогда не забыли эти одиннадцать лет и тех людей, с которыми учились рядом, – он легко дотронулся до бокала Наташи.

– Красиво. Давай, – ответила девушка на тост, чокнувшись фужерами. – А теперь пригласи даму танцевать, – притворно нахмурилась она, когда вино последней каплей чуть отдавалось в голове – было легко.

Илья галантно подал ей руку, а она не менее красиво взялась за нее. На диске крутилось что-то медленное, ярко, как бы специально для ребят, поляну освещала царица луна, а еще несколько фонарей, которые – тоже сюрприз – дядя Митя привязал к деревьям. Романтика витала вокруг, и никто не мог ей противостоять. Пары топтались на месте, только потому, что если остановятся, то не смогут потом сказать, что так тесно танцевали. Хотя и многие остальные делали то же самое —»«танцевали»» в тесном контакте с партером.

Наташа прижалась к Илье, обвив его руками и склонив голову на грудь. Ей было хорошо, вот так обнимать человека, который ей нравится с шестого класса, а он – противный – понял это только недавно. Ведь все это время бегал за Танькой Лариной, а она взяла да и ушла после девятого класса – так ей и надо. Теперь он ее и можно себе позволить обнимать его, прижиматься к горячему телу, слушать сердце, что бьется так напористо и сильно, словно пытается вырваться из груди.

– Илейка, – подняла она на него глаза. Только дед Власий, Гошка, да Наташка могли так его называть.

Он смотрел на нее и на губах играл улыбка, а глазах блистало озорство.

– Добро пожаловать во взрослую жизнь, – тихо произнес он и, наклонившись, поцеловал: нежно, ласково, заставляя ее сердечко учащено и радостно стучать – это был их первый поцелуй.

Да, не удивляйтесь, Илья был воспитан на старый манер – все-таки его учителем был дедушка, так что и воспитание было соответствующим. Но что значит воспитание, когда в твоих объятиях такая красивая девушка, которая нравится тебе, да и она видит в тебе прекрасные черты. Надо пользоваться моментом, пока не спала розовая пелена. Илья отдался порыву, чувствуя, как настойчивые губы Наташи впиваются в его губы, казалось, стараясь поглотить его сущность.

– Эх, молодежь, – ностальгируя, вздохнул лесник.

Нет, он не подсматривает – следит. Следит, чтобы выпускной прошел без okazji, все-таки огонь это не шутка, а тем более в лесу и хотя он предпринял все меры, чтобы ничего не произошло, все же судьба штука хитрая.

– Веселись, веселись, человечиска, – в темноте зло блестели глаза. – Недолго тебе осталось девок лапать, скоро и на моей опушке будет праздник, и главный гостем будешь ты, – Рог негромко и противно захихикал, представляя как он вонзает свои пальцы мальчонке в грудь и вырывает сердце.

Рассвет занимался медленно, словно не хотел, чтобы эта ночь заканчивалась. Он бы подождал еще чуть-чуть, выглянув из-за горизонта и любуясь счастливыми ребятами, что встречали его, обнявшись, а некоторые приносили жертву новому дню, поцелуями и признаниями в любви.

Часть первая

— 5 —

Летом, когда жара достигала своего пика, жители прятались не только по домам и работам с кондиционером, но так же и на пляжах. В городе было всего три пляжа и в жару они были набиты до отказа: взрослые загорали, дети радостно плескались и громко возмущались, когда их пытались вытащить из воды; старики прятались в теньке, наблюдая за молодежью.

Был еще один пруд, большой и чистый, правда, за чертой города. Стоит пройти всего двести метров за столбы с перетяжкой: «Вы покидаете наш город. Доброго пути!» и углубиться в небольшие кусты, как перед вами раскрывается прозрачная водная гладь. Вода здесь всегда была прохладная, даже в самый знойный день, подходы к озеру были посыпаны мелким песком, а тина и сезонное цветение, казалось, не грозят этому природному зеркалу, окруженному со всех сторон густым кустарником. Даже зимой он не замерзал, а только покрывался тонкой пленкой льда. Тогда почему здесь почти никого нет? Только несколько молодых парочек барахтаются с визгами.

Слухами земля полниться, вот и этот участок не обошелся без своих слухов, легенд и предположений. Все дело в том, что здесь порой находили «водолазов». Нет, не тех, что в черных костюмах, с баллонами за плечами, а тех, которые плавают с вспученными животами, обглоданными рыбами частями тела, ну и другими прелестями кои есть у утопленников — «водолазов», как их называют местные.

Говорят, что это были самоубийцы — вылавливали в основном утопленниц: молодых красивых девушек. Сначала думали, что в городе объявился маньяк, но это предположение не подтвердилось. Поговаривали, что в водах прячется омут, который иногда поднимается на поверхность сильным водоворотом и утаскивает людей. Некоторые договаривались даже до того, что начинали плести про русалок. Ну не бред?

Пруд одно время пытались зарыть, а на его месте построить торговый комплекс, но руководство «Водоканала», которому как оказалось, принадлежит этот участок, не дало своего согласия на проведение таких работ. Но слух сыграл свою роль и только молодежь, которой нравилось это уединенное место, да ребяшня, проверяющая друг друга на «слабо» купались здесь иногда. Дети купались днем, а вечером и ночью здесь начинались совсем другие погружения и купания.

«Черный пруд» — так его называли — облюбовали русалки. Это которые обычно стоят на трассе в коротких юбочках и продают секс за деньги с бесплатной любовью как бонус — ночные бабочки или проститутки, если кто еще не понял. За столбами начиналось не только озеро, но и трасса, по которой круглосуточно проносились фуры, развозя товары в разные точки страны. Водители — основной контингент на платную любовь: неприхотливые, нежно-грубые, порой берущие «девочку» на всю ночь.

Павел колесил по дорогам уж второй месяц, почти без перерыва: база-товар-трасса-база и так по кругу уже которую неделю. Нет, он не жаловался, ему нравилась такая жизнь. Семьи нет, все время новые места, ветер в стекло, музыка в уши — благодать, притом еще и напарника нет. При дальних переездах сменщик нужен, но Павел предпочитал сам крутить «баранку».

Уже неделю как он выехал с базы, а до конечной точки еще столько же. За окном брал верх вечер, наступая на пятки дню, заставляя его уйти на покой. В колонках играл люби-

мый диск, а печка согревала, заставляя кровь резво бежать по венам и артериям, просачиваться в нужные места. Асфальт на этом участке дороги был не самым идеальным и ямы были привычным делом. Машину несильно трясло, и в совокупности со всем остальным Павел почувствовал, как кровь прилила к низу живота, вынуждая оттопыриться спортивные штаны.

– Проснулся, – усмехнулся дальнобойщик. – Потерпи, сейчас мы тебе найдем кого-нибудь потеплее.

Пользоваться услугами проституток – норма, для того, кто большую часть жизни проводит в дороге.

– А вот и приют для одинокого странника, – увидел он в свете фар нестройные ряды, стройных девушек.

Большие колеса подали вправо, и фура вкатилась на обочину, так услужливо посыпанную гравием.

– Клиент, – пронеслось по рядам ночных бабочек.

– Марьяна, Светлая, Илна – клиент ваш, – раздался из-за кустов булькающий голос с хрипотцой – начальство. Как раз за этими кустами и начинался тот самый «Черный пруд».

Три фигурки отделились от общей массы и легкой походкой направились к машине. Они остановились ровно в свете фар, дабы клиент смог разглядеть и оценить их. Покрутились немного, словно не на трассе, а на показе мод. Прошло с минуту, когда фары погасли, водительская дверь открылась, и из-за нее выскочил поджарый мужчина лет тридцати пяти, в спортивных штанах, красной футболке и с давней небритостью на лице.

– Не плохой экземпляр, – оценила Павла Илна.

– Думаешь, стоит его хозяину показать? – негромко поинтересовалась Светлая.

– Привет, девчонки, – в это время подошел водитель. – Как насчет поразвлечься?

Девушки переглянулись, улыбнулись друг другу и уже другими глазами посмотрели на Павла.

– Выбирай, – Марьяна выставила вперед ножку.

– Вот ты, – палец уткнулся в девушку.

– Пошли, красавец, – бедра проходящей «бабочки» задела мужчину, распалив его еще больше.

Узкая юбка не помеха, для того чтобы взобраться в высокую кабину, тем более, если тебя сзади помогают, заодно оценивая «товар». Может грузовик и не самая удобная машина, зато большая и есть место, где развернуться, не ощущая дискомфорта, который возникает, если вы вдруг решитесь проделать нечто подобное в легковом автомобиле.

– Как предпочитаешь? – пару раз хлопнула длинными ресницами Марьяна.

В тусклом свете фонаря, освещающего кабину, казалось, что кожа девушки и волосы имеют зеленоватый оттенок. Стройное тело не умещалось в пределах одежды и все норовило вылезти.

Павел облизал вмиг пересохшие губы, дыхание участилось и ему страсть как захотелось страсти (уж извините за каламбур). Казалось, что эта девушка для него воплощение мечты, та единственная ради которой стоит дышать, есть и пить... если она разрешит. Из груди вырвался негромкий рык, а член у водителя готов был разорвать все преграды и самостоятельно устремиться в эту... богиню.

Последнее, что помнил Павел это бездонные зеленные глаза, пальцы, ласкающие бугор на штанах и устойчивый запах рыбы.

– Вкусный, – полчаса спустя вылезла из машины Марьяна, облизывая губы.

Все это время из кабины доносился только мужской стон и вой и вряд ли кто бы решил, что водителю хорошо.

– Дай попробовать, – тут же пристали подружки, и самая ретивая из них впиалась в губы проститутки.

Тем временем в кабину фуры проскользнула тень и пару секунд спустя машина, фыркнув мотором, осветила целующихся в засос «ночных бабочек» и не спеша, выкатила на трассу.

Фургон остановиться километров через десять, а еще через пару часов проснется Павел. Он не вспомнит события этой ночи, зато займет жуткую головную боль.

Русалки давно решили, что убивать людей не стоит, правда пока они это поняли, пришлось несколько раз переезжать. Да и на новом месте не обошлось без жертв, правда, все удалось списать на суицид. Русалки не вампиры и не питаются кровью, зато им нужна душа человека – вот их нектар и амброзия. Нет, не вся душа – иначе клиент умрет – небольшая часть, которую они умело добывали. Секс это не механическое движение в двух плоскостях, это: дикая страсть, раздирающая похоть, нескончаемое желание удовлетворить самые низкие свои потребности, – и «бабочки» все это давали. Павел еще нормально себе вел, просто стонал, запрокинув голову до хруста позвонков, пока Марьяна работала ртом – самый быстрый способ. Некоторые клиенты так распалялись, что начинали рвать девушек ногтями. Обычно такие и умирали. Эмоциональный всплеск был такой, что русалка не могла остановиться, пока не выпивала всю душу. А человек без души – труп.

– Илюха! – налетел на друга Георгий.

– Да тихо ты, убьешь ведь мальчонку, – укоризненно произнес Власий, наблюдая, как парни мнут друг друга в объятиях.

Сегодня у Ильи Николаевича был день рождения. Ровно двадцать три года назад он появился на свет. А Гошка так выражает свои эмоции, потому что не видел друга с мая. Еще в самом начале месяца он уехал за границу – родители договорились о дистанционном обучении – и друзья могли друг другу только писать и созваниваться.

Георгий вернулся только сегодня утром, как будто специально подгадал и сейчас он бурно выражал эмоции, а их было предостаточно.

– Эх, Илюха, стареешь, скоро песок сыпаться начнет, – подколот Веснов Волосова, когда тот немного сморщился от слишком сильных объятий. – Дедушка Власий к тебе это не относится, – проговорил он с поспешностью.

– Иля, ты только осторожнее там, понимаю, что в такой день себе можно позволить, – наставительно-взволнованно говорил Власий, завязывая внуку галстук.

Илья все еще позволял деду это делать, даже не смотря на то, что ему уже двадцать три года, и он может сам о себе заботиться, но старику это было приятно, а юноша не хотел его лишать такой мелочи.

– Дедушка, не волнуйся, все будет хорошо, – Илья положил руки на плечи деда. – Вы тут тоже особо не увлекайтесь, – подмигнул он.

Дело в том, что Волосов-младший отмечает день рождения в клубе, а Волосов-старший отмечает это же событие с приглашенными друзьями, в том числе с Родовым.

– Ладно, хулиган, беги, давай. Негоже заставлять себе ждать в такой день, – дедушка притянул парня за уши и чмокнул в лоб. – С днем рождения, внучек.

– Спасибо, дед, – обнял его Илья. – Не шалите тут, – изобразил он строгость, а потом сам же и засмеялся.

Раздался дверной звонок и Гошка умчался открывать, хотя это должен делать сам именинник, встречая гостей, но кто думает о таких мелочах, когда в доме рыжий ураган – Веснов.

– Илюха, Петр Михайлович с драгоценной, – прокричал парень из коридора и в следующую секунду влетел в квартиру, придерживая дверь для прибывших гостей.

После рождения нового Волосова и смерти его родителей, Родов стал частым гостем в доме Власия. Первый год он наблюдал за мальчиком, а когда убедился, что с ним все в порядке (тут можно вздохнуть с облегчением или разочаровано выдохнуть) то стал просто заходить, порой просиживая с дедом далеко за полночь за рюмкой коньяка – они были старыми друзьями.»«Драгоценная»» – как называл ее Георгий – Лада Васильевна, жена Петра Михайловича. Еще у них была дочь, но она почти все время жила в Москве с бабушкой и бабушкой, Илья ее так, ни разу и не видел.

Полчаса спустя, когда закончились все облобызания, поздравления, подарки, наставления, юноше удалось ускользнуть из праздничного дома. Спасибо Гоша помог, вытянув его за рукав и многократно извиняясь и ссылаясь на то, что их, дескать, уже который час жду, а то бы поздравления так и не закончились.

– Фу, вырвались, – выскочили друзья на улицу.

Вокруг все было залито светом, небо такое голубое, что в него хочется занырнуть и поплыть. Люди сегодня были все улыбочивые и приветливые, словно знали, что для этого юноши нынче не простой день, а особенный.

– Илюха, хватит на девушек пялиться, – поддел Волосова локтем Георгий. – Тебя люди уже ждут.

– Извини, – пришел в себя парень.

Он увидел девушку... Нет, ангела, который скользил ему на встречу. Густая копна светлых волос обрамляет красивое лицо с небесно-голубыми глазами, весело вздернутым носиком и губками, что разошлись в улыбке. Легкое зеленое платье было отдано во власть теплого ветра, что вился вокруг девушки, лаская ее своими руками и дразня, облеплял точеную фигурку. Она прошла мимо, и Илья почувствовал, что сердце готово выпрыгнуть из груди и помчаться вслед. Он бы и сам рванул за ней, но Гошка вцепился ему в руку и насильно тащил к автобусной остановке.

– Илья Николаевич, ты чего? – недоуменно посмотрел Георгий на друга, когда тот сумел освободиться от захвата и готов был уже бежать за девушкой... но она исчезла. Может, свернула в тот переулок... или в тот, а может в следующие два – искать бесполезно.

– Ничего, – разочарованно выдохнул он. – Ей, наш автобус! – тут же вскричал он. Друзья побежали.

Музыка надрывалась, стараясь оглушить. В сумерках зала мелькали разгоряченные тела, взлетали вверх руки, кто-то пытался перекрыть надрывную мелодию, а в воздухе витала смесь запахов сигарет, алкоголя, духов и пота. Привычный для клубов и других подобных мест.

Группа из десяти человек сидела в полутемном углу, где одиноко горел светильник, сделанный под старину. Сюда даже музыка почти не долетала, как будто запутываясь в липких лапках клубного сумерка. Казалось, что в таком месте должны замышлять самые темные дела, ну или влюбленная парочка неистово целоваться – темнота друг молодежи. На самом же деле... Да, да, именно здесь проходило скромное празднование дня рождения Ильи Николаевича Волосова.

Только самые близкие друзья собрались здесь сегодня: Георгий Веснов, Генка Морозов, Сашка Петровский, Зина Голданская, Марина Ямвольская и еще несколько человек. Несмотря на столь романтическую обстановку за столом было весело и не принужденно. Ребята знают друг друга очень давно: кто-то со школы, кто-то и того раньше. Только с Алек-

сандром Петровским они познакомились на первом курсе, но быстро нашли общий язык, и в старой команде появился новый человек.

Все ребята вместе учились в школе и даже умудрились поступить в один институт, только на разные факультеты. Генка – экономика, Зина и Марина – преподавание, а вот Гоша, Саша и Илья учились на одном факультете – психология. Довольно странный выбор для человека дед, у которого ветеринар чуть ли не с мировым именем. Но Илья давно решил, что будет врачевать не животных, а людей – ему это нравилось. Вот как вместе с ним оказался Георгий – загадка, которую даже Волосов не мог разрешить.

Казалось бы, Гошка с трудом окончил школу, четверка по музыке не считается, ему бы отвлечься от учебы на год другой, третий... десятилетие. Но вопреки всем заявлениям и мнениям: «Да чтобы Веснов снова с учебой связался», – замечу, что это учителя говорили, друзья выражались более конкретно – он поступил. Шок, неверие, откровенное кручение пальцем у виска – это только адекватные реакции. Георгий, как бы шутя, сдает вступительные экзамены, получая «хорошо» и «отлично с минусом». Невероятно, учитывая, что такие оценки он последний раз видел во втором классе – в первом оценок нет. Теперь же три институтских курса позади, а впереди всего-то два года обучения.

– Ребят, давайте выпьем за именинника, – поднял стакан с пивом лучший друг Ильи.

– Да сколько можно? – делано возмущился именинник. – Если в таком темпе будем продолжать, то я уйду отсюда семидесятилетним стариком.

– Ничего, мы тебя дотащим. Вон и девчонки помогут. Правда?! – «успокоил» Гошка.

– Правда, правда! – хором грянули девушки и полезли чокаться и целовать Илью.

– Народ, ай-да танцевать, – повлек на танцплощадку Гошка Марину.

Остальные устремились следом, расхватывая девушке как горячие пирожки зимой. Уже через полминуты танцпол пополнили новые голоса радости и возбужденности. Илья тоже было решил присоединиться, но тут зазвонил мобильный.

– Наташа, – улыбнулся юноша.

Он знаками показал ребятам, что звонит телефон, и он выйдет наружу, чтобы лучше было слышно.

– Привет, – ласково сказал в трубку, когда вместо клубного дыма, его освежил вечерний ветерок.

– Привет, именинник, – послышалось в ответ. – Я поздравляю тебя и желаю...

Наташа уехала через полгода после окончания школы. Родители получили более высокооплачиваемую работу, но... она была в Санкт-Петербурге. Им пришлось расстаться, ведь довольно трудно и накладно часто летать или ездить к ней или к нему. Да они могут быть рядом, но только на расстоянии, ведь существует Интернет... Но это не то. Они понимали, что вряд ли отношения будут развиваться в том же ключе. Так и случилось: ежедневные разговоры по телефону становились реже, письма теперь уходили раз в неделю, а видеосвязь случалась и того реже – у каждого теперь своя жизнь. Однако поздравления с праздниками и днем рождения – обязательно и свято, всегда, как бы сильно не был занят.

Их было четверо. Черные кожаные куртки, такие же штаны, тяжелые ботинки и черные банданы с диким рисунком: старуха смерть протягивает костлявые руки, соединяя их аккуратно на лбу. Они стояли под раскидистым дубом, прячась от посторонних за большим кустарником. Нет, они не боялись, что их кто-то найдет или заметит, скорее это людям, что гуляют в это время в лесу, надо бы спрятаться. Их было четверо и таких как они называют отморозками. Хотя кто-то их знает как злыдни.

– Вол, смотри.

– Красивая мордашка, – ухмыльнулся тот, кого называли Волом. – Ты всегда умеешь находить вкусненькое, Ирод.

– Спасибо, шеф, – Ирод был польщен, не часто из уст злыдня можно было услышать похвалу.

– Пес, Толстяк, обойдите ее, – быстро приказал Вол, остальным отморозкам. – Сегодня мы позабавимся, – похотливо улыбнулся он.

Злыдни давно обитали в этом лесу, возможно так же давно, как и тати. Только в отличие от последних они не умели лазать по деревьям, и были не такими безобидными. Грабеж, насилие, бывали и убийства – лес все скроет. А если ты в нем живешь не одну сотню лет, то, как спрятаться, или спрятать ты знаешь. Объединяло их только одно – страх перед Лешим. Так что все дела проворачивались быстро, четко и без свидетелей – лес не в счет, хотя и он мог рассказать очень многое.

Сегодня их цель вон та девчонка, что решилась одна пройти через лесной массив. Глупо, учитывая, что очень недобрые слухи ходят о здешних местах – замечу, что не безосновательно. На улице давно вечер, а в лесу солнце уже часа два как не появляется, делая его более глухим и темным, чем он есть на самом деле. Ходить здесь одному...

– Очень глупо, – дрожащим от нетерпения голосом прошептал Вол.

Девчонка была красивой, даже слишком и злыдень уже возбудился, предчувствуя, как повалит ее на землю и разорвет легкое платье. Толстяк и Пес заходили сзади, отрезая путь для побега, Ирод шел справа, а сам главарь неслышно отделился от дерева и пошел напрямик – к девушке.

Леля только сегодня приехала из Москвы. Почти с самого рождения она жила с бабушкой и дедушкой, лишь изредка видя родителей. И вот, наконец, она вырвалась из плена мегаполиса, неделю назад окончив второй курс института и, отгуляв наступление летних каникул, она решила сделать сюрприз родителям, приехав к ним. Как добраться до Старообрядческой улицы она помнила с прошлого раза, хотя ей тогда было всего десять: сойти на станции, проехать пятым автобусом две остановки, и пройти немного через лес – самый короткий путь. Да, она могла бы взять такси и быть дома через пять минут, но сегодня был такой хороший день, что стоило прогуляться после душной электрички.

Она любила лес и в Москве с ее вечно загазованным центром, ей его не хватало, одна отдушина – парки, где она любила гулять. Здесь же лесом было покрыто все: сосны, дубы, ели, березы, клены, осины, даже ивы имелись – ей нравился этот город.

Леля шла, вдыхая смешанный, но такой приятно-терпкий запах деревьев, кустов и травы, что не заметила, как две темные фигуры появились сзади, а еще одна вышла справа. Они двигались неспешной походкой, словно никуда не спеша и, казалось, что впереди идущая девушка им не интересна. Но это только на первый взгляд. Если внимательно присмотреться, то видно, что мутные глаза устремлены только в одну точку – легкое зеленое платье, что так аппетитно развивается.

Две пары глаз устремлены на Лелю, еще одна пара – та, что справа – прочесывает окрестности, убеждаясь, что свидетелей не будет. Вол же смотрел только в лицо будущей жертве, представляя, что он с ней сделает, как и в какой последовательности. В паху уже неимоверно зудело от желания, и злыдень понял, что больше ждать не может.

– Привет, красавица, – вышел он из кустов, прямо перед девушкой. – Повеселимся, – это не вопрос – утверждение.

– Все, целую, – прошептало в телефоне, и связь разорвалась.

– И я... целую, – сказал Илья уже в оглохший мобильный.

Он тяжело вздохнул, заполняя легкие вечерней прохладой. Расставаться всегда тяжело, особенно когда нашел счастье так недавно. Они были вместе меньше года, и уже так давно не видели друг друга. Иногда на Илью накатывали воспоминания по тем временам, когда они

учились в школе – тогда они были вместе. Все же он понимал, что ничего вернуть нельзя: они в разных городах – считай, на разных полюсах. И только ее голос возвращал его в те времена, когда в лесу негромко играла музыка, и у них был выпускной. После этого было еще много встреч, обниманий, гуляний, поцелуев... более тесных контактов.

– Она звонила? – подошел Георгий.

– Да. Поздравила и сказала, что у нее все хорошо, – он был рад за нее, вот только прозвучало это не так весело как хотелось бы.

– Да, ладно, Илюх, ты же понимаешь, что так и должно быть, – Гошка ободряюще толкнул друга в плечо. – Пошли, я там классную девчонку приметил – тебе понравится.

Илья взглянул на почти зашедшее солнце, на еле колышущуюся листву, на пустую аллею, что уводила в лес.

– Пошли, – вздохнул он. – Хватит думать о плохом – пора веселиться.

– Правильно, – поддержал его Веснов. – У тебя сегодня день рождения, а ты словно на поминки приехал – тьфу-тьфу-тьфу, – поплевал он через левое плечо.

Дверь клуба гостеприимно распахнулась, набрасывая на друзей аркан из музыки, света, криков и дурманящего запаха.

– Только после вас, – притворно-услужливо поклонился Георгий, пропуская Илью вперед.

– ПОМОГИТЕ!!! – донеслось сквозь клубную музыку.

– Ты, что-то слышал? – недоуменно обернулся назад Илья.

– Да, – осторожно ответил Гошка и как бы в подтверждение вновь.

– ПОМОГИТЕ!!! – надрывный женский голос.

– В лесу, – быстро сориентировался Волосов. – Туда!

– Ну что ты орешь?! – зло кричали в ухо. – Все равно никто не услышит, – издевался отморозок, пытаясь разорвать легкое платье.

– Вол, давай быстрее – спалит ведь, – оглядывался по сторонам Толстяк.

– Не бойсь, здесь даже мухи в такое время не летают, – пощечина заставила Леля на секунду умолкнуть. – Будешь орать, – в руке блеснуло лезвие, – порежу на ремни, – зло пообещал Вол, приставляя нож к лицу жертвы.

Тут хочешь, не хочешь, а придется заткнуться – жизнь дороже.

– Вот и умничка, – похотливо улыбнулся главарь. – А теперь покажи, что ты умеешь, – рука задрала подол, обнажая трусики.

На миг в глазах Вола мелькнула радость, которая тут же сменилась непомерным удивлением. Только удивлялся он уже на земле – его снесло с девушки.

Друзья бросились на насильников молча – нечего предупреждать ублюдков заранее. Гошка двумя ударами сшиб двух отморозков: один получил удар в шею и рухнул на колени, второй пониже поясицы и растянулся на траве. Веснов на этом не остановился и врезался в третьего урода. Волосов тем временем налетел на парня, что оседлал девушку и пытался залезть ей под платье. Они покатались по земле, отчаянно лупя друг друга, но у Ильи было преимущество – отморозок не ожидал нападения, так что пару секунд он проиграл.

– Илюха! – донеслось до Волосова отчаянный крик Веснова.

В следующую секунду в ребра врезался тяжелый ботинок, опрокидывая парня и заставляя его застонать от резкой боли. Пес пришел на помощь главарю. Ботинки били податливое тело, не позволяя ему подняться, парень даже защищаться не мог, свернувшись калачиком и пытаясь закрыться от сыпавшихся на него ударов. Пес с возрастающей радостью наносил удары, в нем просыпался злыдень – существо, которому приносит радость мучить и убивать.

– Ах ты, козел, – прямым ударом в челюсть Гошка послал толстого парня обратно на землю. Уж что-что, а драться Веснов умел. Пусть он и плохо учился в школе, где ему прощали прогулы, но уличная школа не прощает прогульщиков, жестко наказывая их. Георгий быстро познал науку улиц, и умело ей пользовался в крайних случаях. Из тощего долговязого паренька он превратился в сухожильного юношу, что без труда мог дать отпор, несмотря на свое скромное телосложение. Как раз сейчас такая ситуация.

– Умрешь, тварь, – зло прошипел долговязый парень и в руке появился нож. – Сердце вырву, человечишка, и сожрать заставлю, – с его губ капала кровь, а в глазах светило безумство.

– Обойдешься, – бросил Гоша и ударил ногой в пах.

Ирод схватился за причиндалы и с выкатившимися от боли глазами, рухнул как подкошенный. Яростно взревел Толстяк и бросился на юношу, налетев на него с градом тяжелых ударов, стараясь смять храбреца.

– Уйди, Пес, – прорычал Вол. – Я сам с ним разберусь.

Злыдень сплюнул в сторону валявшегося на земле Ильи и отер кровавые губы. В руке вновь блеснуло заточенное лезвие, направленное на этот раз, на скорчившегося от боли защитника.

– Дурак, – присел рядом с Илей Вол и поднял его за галстук. – Умрешь, как собака, за какую-то девку подзаборную... Да успокой ты эту дрянь, Ирод!

Девушка тоже по мере сил пыталась помочь ребятам, наскочив на самого большого отморозка и вцепившись ногтями ему в лицо. Толстяк взревел и попытался сбросить Лелю, но она держалась на нем, как кошка на дереве. Злыдень пропустил несколько болезненных ударов, но тут подоспел Пес и Гошка отвлекся на нового противника. Тем временем Ирод схватил храбрую девушку за волосы и резко дернул их вниз. Боль пронзила тело и бывшая жертва, закричав, разжала пальцы, рухнув на землю и стараясь вырваться из рук отморозка.

– Ничего, мы еще побарахтаемся, – прохрипел Илья, и в следующую секунду произошло, что-то невероятное.

Небо мгновенно потемнело и, хотя до этого были только сумерки, то сейчас наступила ночь, погружая мир во мрак. Тяжелые свинцовые тучи закрыли небосвод, грозясь разродиться ливнем. Где-то вверху яркой вспышкой пробежалась молния, и оглушающий гром расколол небосвод. Вол недоуменно, с возрастающим страхом посмотрел на небо, на юношу, которого думал уже «разукрасить» и тут его тело пронзила страшная боль. Голова запрокинулась назад, руки разжались, выпуская Илью и нож, и начали раздирать горло, которое не могло выродить не одного звука, только губы безмолвно открывались. Глаза злыдня закатились, обнажая темно-желтый белок, грудь подалась вперед, выгибаясь колесом, а из глотки донесся еле слышимый шип, который услышали все.

Молнии раздирали тучи, становясь то ярко-белыми, а то оранжево-красными, словно огонь, однако грома слышано не было. Казалось, что все вокруг затихло, вслушиваясь только в дыхания трех человек и трех злыдней, четвертый не мог даже дышать, лишь хрипя, но звук с каждой секундой становился все громче, пока легкие не наполнились воздухом и не вырвались наружу оглушающим криком боли.

Вол в эту секунду отдал бы все на свете, только чтобы прекратить мучение. Тело казалось, разрывало на куски и в тоже время сжимало с такой силой, словно он попал под каток. В груди горело огнем, что пожирал легкие и сердце, а в горле стояла колючая ледяная стужа, что готова была разорвать связки, ног и рук он почти не чувствовал, так же как и не мог ничего видеть. Только каким-то краешком сознания, что еще не было охвачено болью, он сумел... увидеть?... может почувствовать?... или это галлюцинация? Перед ним стоял грозного вида мужчина лет сорока: волосы цвета вороньего крыла рассыпаны по плечам, из-под густых бровей строго взирают темные глаза, горбатый нос и жесткая складка губ, пря-

чушаяся в окладистой бороде. Холщовая рубашка, опустившаяся до колен, не может скрыть неимоверных мышц, что гуляют под кожей как насытившиеся удавы. Мозолистые пальцы сжимают рукоять громадного молота, которым, казалось можно разбить сами Пиренеи. А на ногах просторные штаны и черные сапоги, на которых пляшет пламя, но не пожирает их, а как бы ласкает своими лепестками.

– Валим! – пришел в себя Ирод и, толкнув остальных отморозков, подхватил главаря подмышки, нырнув с ним в ближайшие кусты, пока никто ничего сделать, не успел.

Георгий и Илья начали хоть что-то соображать только через пару минут, глядя в быстро очищающееся небо: тучи уходили, открывая пусть и темный, но... родной что ли?.. небосвод с крупными звездами и луной, что начала восходить над лесом.

– Что это было? – именинник был весь растрепан, верхняя губа разбита, под глазом точно будет синяк, о костюме лучше совсем забыть.

– Не знаю, – с трудом сглотнул Гоша. Он выглядел лучше друга, но несколько синяков и ссадин тоже расцветали на лице.

– Ребят, – вдруг донеслось за спинами юношей и оба, вздрогнув, резко обернулись, – как вы?

Леля выглядела, словно только что сошла с картинки, как будто и не было нападения, попытки изнасилования, угрозы ножом и похотливых взглядов. Лишь встревоженный взгляд, порванное платье, покрасневший отпечаток пятерни неудачливого насильника на лице и разбитая губа. Картинка была не самая удачная, но девушка держалась молодцом, как будто... – ну вы читали выше.

– Нормально, – расслабился Илья, опустившись на траву. – Кто это был? – обратился он к Леле.

– Уроды, – коротко ответила она, поправляя порванную лямку, что, как будто нарочно пыталась упасть, обнажив небольшую грудь.

– Ушли, – появился из-за кустов Георгий. Он попытался нагнать отморозков, но все тщетно. – Я в милицию позвоню, – поднял он с земли мобильный, что выпал во время драки.

– Не надо, ничего ведь не случилось, – закрыв глаза, тихо попросила Леля. – Все равно ведь ничего не найдут.

– Что значит «ничего не случилось»?! На тебя четверо отморозков напали и чуть не... – Илья осекся, пытаясь найти замену не очень лицеприятному слову.

– Но ведь не успели, – обезоруживающе улыбнулась девушка.

– Так мне звонить или нет? – стоял с открытым телефоном Веснов, глядя то на Лелю, то на друга.

– Нет, – махнул рукой Илья. – Она не хочет. Но я на твоём месте... – начал вставать он с земли.

– Ты не на моем месте, – подхватила его девушка под руку, помогая встать.

Волосов поднялся и только тут, в темноте, при свете вошедший на трон луны смог узнать того ангела, что он видел, когда вышел из дома. Это была она – девушка в легком зеленом платье, что так остро запахла в память.

– Илья, – с трудом произнес юноша, протягивая чуть подрагивающую руку для пожатия.

– Леля, – ответила девушка, левой рукой, потому что правой придерживала лямку.

– О, да, извини, – осенило именинника и он, быстро сняв пиджак, накинул на хрупкие плечи.

– Спасибо, – Леля смогла освободить вторую руку и запахнуть пиджак.

Гошка переминался с ноги на ногу, весело наблюдая за возникшей робостью друга и бывшей жертвой, что сейчас куталась в пиджак и смотрела на Илью с заинтересованной нежностью.

– Я это, – Веснов почесал в затылке, – пойду наших предупрежу, что бы ни волновались. Вы сами-то дойдете?

– Что?.. Да, конечно, – не сразу нашелся Илья. – Может, я вас до дома провожу, мало ли что? – ни как не мог он оторваться от глаза Лели.

– Я буду только рада, – улыбнулась девушка.

И никто не заметил, что Гоша уже знал куда направиться друг, еще до того как слова были произнесены. Хотя не сложно догадаться.

На чистом небосклоне царствовала луна, маленькими яркими гвоздиками звезд, приколочено небо. Лес негромко шумит, обсуждая происшедшее, разгоняя слухи и подробности ветром. Прерывистым светом мигают фонари на ночной аллее, провожая странную пару: побитого юношу и девушку, что жметя к нему, словно боится темноты.

– Человеческий ублюдок нашел себе самку, – прошипел тать, с трудом отлипая от дерева.

Много времени прошло с тех пор, как Илья нанес смертельное оскорбление Рогу, но тот ничего не забыл, наблюдая за юношей и выискивая момент, когда можно будет нанести мстящий удар. Года шли, а случай все не подворачивался и вот сегодня выпал удачный шанс. Злыдни были готовы убить человечешку и Рог бы наглумился над телом, но что-то пошло не так – отморозок испугался. Тать сам ощутил, что в лесу появилась неведомая сила. Сила, которая заставляла Рога задрожать и вцепиться в дерево, стараясь слиться с ним воедино, лишь бы только не ощущать того страха, что начал проникать в него. Он так не боялся даже Лешего, а ведь страшнее лесного царя никого не было.

– У ублюдка сильные друзья, – ненавистно смотрели маленькие глаза в след удаляющейся паре. – Ну ничего, я еще вырву твои гнилые потроха и заставлю их сожрать, – кулак ударился в ствол дерева, заставляя последнее осыпаться листвой.

– Спокойно, спокойно, Щур, ему ничего не угрожает, – увещевал Власий пса. – Он сам справиться. Ему это надо, чтобы потом принять.

Щур строго посмотрел на старика, наклонил голову, как бы спрашивая.

– Да, я согласен с тем, что это твоя обязанность – защищать его, но поверь, я не допущу, чтобы он пострадал.

Пес глухо зарычал, показывая белые и острые клыки.

– Да, Щур, я все понимаю, но и ты пойми... Он должен услышать это не от меня или тебя, а тем более от кого-то другого, ему необходимо увидеть и поверить в это самому.

— 6 —

Октябрь кончался дождем. На улице холодно, грязно, а тут еще и противная морось пытается тебе под одежду залезть, словно ей мало места на улице. Что-то негромко рассказывал преподаватель, заставляя большую часть студентов скорее не его слушать, а пытаться не заснуть под мерную речь и негромкий перестук дождя по крыше.

Илья тоже боролся со сном. Ему одновременно было и проще и тяжелее. Проще потому что спасали sms-ки от Лели, а тяжелее оттого, что он сидит на втором ярусе, почти перед учителем.

Несильно завибрировал телефон, сообщая о том, что пришло очередное письмо. На экране появились строки сообщения: «Илюха, не отвлекайся!!!», – гласили они, а внизу хмуря рожца анимашки. Волосов повернулся к Гошке и под столом показал кулак. Конечно, зачем слать sms, если сидишь рядом.

– Волосов, о чем я сейчас говорила? – втиснулся в юношеский мозг вопрос.

Илья тут же вскочил, словно он в школе, а не в институте, где давно принято отвечать сидя.

– О строении позвонков человека, Маргарита Никифоровна, – быстро выпалил он.

– Хорошо, садись, – жестом указала преподаватель. – И больше не отвлекайся.

Однако стоило учителю продолжить урок, как Илья открыл завибрировавший телефон – очередное sms, на этот раз от нее.

Волосову нравилось учиться, просто сейчас он больше отвлечен на телефон. А потом учеба началась только полтора месяца назад, и они до сих пор повторяют пройденный за три прошедших года материал. Илье скучно, потому, что он прекрасно помнит, что было раньше, а прогуливать – как это бывало в школе – он не хочет. Приходится сидеть и делать вид, что внимаешь учительскому голосу.

«...Целую» закончил он ответ и отправил адресату.

– Илья Николаевич, хватит письма строчить, голубей замучаешь, – раздался слева приглушенный голос Георгий.

– Каких голубей?

– Почтовый, что каждые две минуты носятся от тебя к Леле и обратно, – закатил глаза Гошка, показывая, какого он мнения об умственных способностях друга.

– Отстань, – отмахнулся Илья, но мобильный отложил.

После того случай, когда он с Гошей спас Лелю от нападения, прошло несколько месяцев и все еще свежи воспоминания, но все это меркнет перед осознанием того, что теперь они вместе. Да, кто бы ожидал, что так получится? Ответ прост – все. Георгий на следующий же день поздравил друга с новой подружкой и как бы Илья не отнекивался – все было решено. Волосов и сам знал, где-то там внутри, что Наташа осталась в прошлом, а ее место заняла...

– Хватит сидеть, звонок уже давно прозвенел, – толкнул в плечо Сашка Петровский и неспешно направился к выходу.

Ну вот, осталась еще одна пара и на сегодня лекции закончились. Надо подняться на третий этаж, триста семнадцатая аудитория. За окном пасмурно, дождь то усиливается, то затихает, переходя в морось, солнце так вообще кажется мифом – его нет уже три дня, а день это сумерки, что наступили не в свое время. Гошка убежал вперед, взлетев по лестнице так, словно пытался выиграть подъем на Останкинскую башню – ему это удалось. Парню двадцать три года, а порой ведет себя так, словно и не выходил из трех летнего возраста.

– Черт, – выругался Илья, чуть не поскользнувшись на луже воды, что так услужливо растеклась на ступенях. – Зонт надо закрывать, когдаходишь в помещение, – тихо ругался он, стараясь не наступать в воду.

Ему это неплохо удавалось, учитывая, что все ступени были намочены так, как будто на них вылили не одно ведро. Вся группа уже была наверху, а Илья все еще поднимался, осторожно ступая по мокрым ступеням.

– Достало, – вступил он на последнюю.

– Илюха, давай быстрее, – махнул Саша, входя в аудиторию.

– Сейчас, – кивнул в ответ Илья и...

Нога потеряла опору, вода словно превратилась в лед, а перила куда-то исчезли, заставляя юношу хвататься за воздух.

Александр Петровский был человеком молчаливым, спокойным, в чем-то даже степенным. Речь его текла неспешно, движения мягкие и плавные, рассчитанные до мелочей – он не любил лишних телодвижений. Флегматик – скажет любой, кто пообщается с ним хоть пару минут. Так и было и хотя флегматизму больше подвержены люди полные – в меру своей специфики – Александр же, был строен. Высокий рост, неплохая мускулатура – он любит спорт – длинные темные волосы, мягкий, убаюкивающий взгляд из-под бровей, прямой нос и губы, что находятся в вечной полуулыбке.

Он быстро подружился с Ильей и даже вошел в его компанию, в которую никого не принимали со школьной скамьи. Все произошло банально: случайно столкнулись, пока извинялись, возникла сама по себе тема для разговора – оказывается, они учатся на одном потоке – а там слово за слово и Илья представляет Сашу как нового знакомого, который быстро вливается в компанию.

И вот сейчас Петровский сидит и с ужасом понимает, что его друг падает с лестницы. Он рванул, отбрасывая парту с пути, но... Только в фильмах тебя успевают подхватить, прежде чем упадешь, в жизни такого не бывает. Особенно если между вами с десятков метров – нереально.

Перед глазами все завертелось: низ стал верхом, а правое – левым, воздух с хрипом вырвался из легких, а в руку что-то сильно ударило, заставляя Илью заскрипеть зубами. Крикнуть он просто не успел, все падение заняло не больше двух секунд, а ведь казалось, прошло не меньше десяти минут, пока спина не встретилась с жестким полом.

– Илья! – донесся секундой позже взволнованный голос Георгий.

– Тихо... тихо... спокойно, – морщился на полу юноша. – Дай секундочку.

– Лежи, лежи, – чуть придержал его за плечи Гоша. – Не двигайся, я сейчас»«скорую»» вызову.

В это время собрался остальной поток, и все с беспокойством смотрели на распластанного на полу Волосова.

– Илья, как ты себя чувствуешь? – с обеспокоенным лицом рядом опустилась на корточки Антонина Михайловна.

– Все нормально, просто упал, – попытался сбавировать парень, но плохо это у него получилось.

– Ты только не пытайся встать, сейчас врачи подъедут, – на грудь легла успокаивающая рука.

– Все хорошо, Антонина Миха... – Илья запнулся.

То, что он увидел, было более шокирующим, нежели падение с лестницы. Перед ним сидела почти обнаженный учитель.»«Почти»», потому что на теле была прозрачная туника, которая скорее открывала всеобщему взору все прелести – а там было на что посмотреть –

нежели их скрывала. К тому же Антонина Михайловна была босиком. Распущенные волосы свободно падают на лицо двадцатилетней девушки. И это не реально, учитывая, что преподавателю недавно исполнилось сорок один, они всем курсом поздравляли ее.

– Илья, что с тобой? – испуганно спросила Антонина Михайловна, глядя на расширившиеся от удивления глаза студента.

– Вам не холодно? – Илья никак не мог оторвать взор от прекрасного тела, поэтому брякнул первое, что пришло в голову.

Теперь пришла очередь преподавателя удивленно смотреть на Волосова, да и остальные заинтересованно и недоуменно глядели на сокурсника.

– Вы что, не видите? – ошарашено указал Илейка на обнаженного учителя.

– Что не видим? – попытался уточнить у него Саша.

– Да ведь она... – тут Илья вновь запнулся, потому что перед ним сидел преподаватель.

Самый нормальный, которого только можно себе вообразить: ни тебе прозрачной туники, распущенных волос и возбуждающих форм. Все это исчезло, стоило Волосову потрясти головой. Голова при этом отдалась тупой болью, зато видение – безумное, честно говоря, – прошло. Илья на всякий случай еще зажмурился, сильно-сильно, осторожно открыл глаза и понял, что аппетитный учитель – глюк.»«А жаль»», – честно признался себе. Он попытался встать, и тут же несколько рук подхватили его, старясь удержать.

– Гош, Саш, я и сам могу, – ненавязчиво освободился от друзей Илья.

– Вдруг у тебя сотрясение мозга, – заботливо предположил Александр.

– Да, нет – нормально, – прислушался к своим ощущениям Волосов.

– Ничего сейчас»«скорая»» приедет и разберется, – деловито произнес Георгий, рассматривая через стекло подъезд к институту.

– Не надо врачей, все нормально, – попросил, поморщившись, Илья.

– Уверен?

– Да, – утвердительный кивок. – Всего-то упал, с кем не бывает.

– Ну и правильно, – облегченно выдохнул Гоша. – Тем более что я до них не дозволился.

– Ах, ты... – Волосов толкнул друга под ребро. – Я тут помираю, а он из себя сестру милосердия корчит: врачей он, блин, вызвал.

– Раз все в порядке... может, вернемся в аудиторию? – предложила Антонина Михайловна, вмешиваясь в шутивную потасовку.

– Да.

– Да, конечно, – тут же стал серьезным Георгий, но стоило преподавателю отвернуться, как толкнул Илью в плечо и, взлетев по лестнице, ворвался в класс. Илья опоздал на пару секунд и то, потому что его чуть-чуть пошатывало.

– Мразь!!! – крик пронесся по залам, заставляя дрожать стены, а в некоторых помещениях с потолка осыпался камень.

Хозяин был зол, и ярость его не знала предела. Поэтому даже раб пытался держаться от него подальше, понимая, что для него это ничем хорошим не кончится.

– МРАЗЬ!!! – чушайчатый кулак врезался в стену, заставляя ее покрыться трещинами.

– Нет, не надо... Отпустите, – пытался сопротивляться существо, когда его за ноги волокли по коридорам.

Неровный пол напоминал о себе ударами по голове и спине. Чадающие факелы, как бы смеясь, плясали свой огненный танец, провожая визжащее создание.

– Господин, – распахнулись двери, и в зал влетел Мразь.

Больно ударившись животом, он распластался перед повелителем и даже боялся пошевелиться или пискнуть. Даже когда Хозяин прошелся ему по руке, вжимая пальцы в камень, он только закатил от боли глаза, но не издал, ни звука.

– Сколько осталось, Мразь?

– Две недели, мой Господин, – пролебезило существо, прекрасно понимая о ком идеи речь.

– Две недели... две недели, – расхаживал по залу Властелин, нервно покачивая хвостом. – Слишком долго ждать.

– Может его сейчас убить? – предложил раб.

– Дурак. Только от этого, – тяжелая нога ударило под ребра. – Если бы я хотел, он бы умер сразу после рождения. Нет, он должен умереть перед самым Вскождением.

Хозяин остановился подле Мрази, от чего тому захотел слиться с полом. Сильная рука, ухватив существо за шкуру, подняла на уровень оранжевых глаз с вертикальным зрачком. Раб весь скукожился, но отвернуться не посмел.

– Мне нужно знать о нем все.

– Мы следим за ним, – торопливо вымолвил Мразь.

– Дурак! – вскричал Хозяин, запуская взвизгнувшее существо в стену. – Мне нужно знать даже его мысли, желания, чем живет и дышит. Проникните в его сны и узнаете все, – прорычал Господин, усаживаясь на черный трон.

– Да, Владыка, – вскочил Мразь и поклонился, задом стараясь нащупать выход.

– И да, еще одно, – остановил его Хозяин. – Разбуди Убийцу, – хищно улыбнулся он, показывая раздвоенный язык.

– Но... но... – запнулась маленькая тварь, уже почти открыв двери пятой точкой.

– Перечишь? – слишком спокойно это прозвучало.

– Нет, – голос дрожал, но существо понимало, что за кажущимся спокойствием скрыта ярость, что мгновенно выльется, стоит только совершить глупость.

– Вот и хорошо, – вновь улыбнулся Повелитель. – Пусть он следит за ним, но пока ничего не предпринимает.

– Да, Господин, – вновь поклон до пола и существо выскочило из зала.

– Недолго осталось. Скоро и небо будет принадлежать мне, – негромкий, но холодный как айсберг, голос прошелся по залу, стелясь по полу.

— 7 —

— Скажи, Гамаю — птица вещая, что происходит в мире, и над миром, и под миром, и позади мира и впереди мира?

Черные крылья с легким шелестом расправились, красная окантовка вдруг пришла в движение и поползла по перьям, окрашивая птицу в красный цвет. Когда Баюн полностью поменял цвет, он открыл глаза — более похожие на человеческие — и распахнул клюв.

— Внимай слушающий и слышащий, — голос шел не от птицы, он шел отовсюду, проникая из всех щелей и окружая Власия своей властью, заставляя замолкнуть все живое и неживое. — Ведаю, что происходит в мире и над миром, под миром и впереди мира, ибо то, что позади уже прошло.

— Поведай, умная птица Гамаюн, что происходит позади мира, — попросил старик, кладя перед Баюном кусок окровавленного мяса, какие-то цветы и плошку с вином.

Птицы, поворачивая головой, посмотрела на дары и приняла их. Кусок мяса, зажатый в крепких когтях, исчез за пару минут, цветы последовали следом, а вино было перевернуто. ДА, это было сделано специально и — НЕТ, это не из-за того, что Баюн хулиганит.

Красная лужица растеклась по полу. Птица Гамаюн слетела со своего насеста и опустилась прямо в вино. Когтистые лапы шлепали по полу и одновременно выводили какую-то каллиграфию. Власий, затаив дыхание, наблюдал за действиями птицами. Он видел это не в первый раз, но каждый раз задерживал дыхание, боясь потревожить Баюна.

— Скажу, тому, кто слышит. Скажу тому, кто слушает. Скажу тому, кто хочет знать, — замерла птица, воздев острый клюв к потолку.

Телефонный звонок застал Родова в дверях кабинета. Он как раз достал ключ и собирался уже закрыть его, но тут перезвон заставил его остановиться. Нет, звонили не на рабочий телефон, а на мобильный. Спросите, что же его тогда остановило и не позволило закрыть кабинет? Отвечу: во-первых, это номер знали всего трое (Лада, Леля и Власий), а, во-вторых, рингтон четко указывал на абонента, а значит, произошло, что-то действительно серьезное, раз Волосов звонит не по обычному номеру.

— Да? — поднес трубку Петр Михайлович к уху, вернувшись в кабинет и заперев его изнутри.

— Кажется, началось.

Всего два слова, но почему так стучит сердце, и мелко дрожат руки? Такого не было, даже когда он начинал врачебную практику. Во рту стало сухо и запершило.

— Ты уверен? — удалось ему спросить охрипшим голосом.

— Гамаюн говорит, что в мире начались изменения.

— Но он, же, ни разу не показывал, что какой-то другой.

— Петр, ты же сам знаешь, что ОН никогда не проявит себя раньше времени.

— Да, конечно.

Родов уже встречал ЕГО, причем не единожды, но всякий раз это... Это было, как будто на тебя накатывает цунами, а ты не можешь сдвинуться места. А самое главное — не хочешь. ЕГО возрождение всегда было сокрыто до самого конца, и единственно, что они знали — имя. Нет, не истинное имя, а то, как будут звать оболочку, в которую он вселится, дабы возродиться вновь на земле и взойти на трон.

— Петр... Петр, ты меня слышишь? — чуть ли не надрывался в трубке Власий.

— Извини, задумался, — пришел в себя Родов. — Я так понимаю, теперь он будет... постигать?

— Да.

– Тогда стоит его подготовить, – в конец взял себя в руки врач.
– Согласен, – прозвучало в трубке. – Не все смогли выдержать, но он должен. Он сильный.

Похоже зря Илья отказался от врача, а Гошка тоже молодец – не вызвал их. Голова болела, раскалываясь так, словно по ней били кувалдой. В глазах порой двоилось, а во рту становилось сухо, в горле першило так, что хотелось надрывно кашлять, но он не мог. Мышцы то напрягались до такой степени, что готовы были порвать рубашку, а то становились вялыми, и хотелось попросту стечь со скамьи. Все же он не мог. Он вообще сидел и внимательно слушал лекцию по психологии, что им рассказывает Антонина Михайловна. Все, что с ним происходит... «Да тут вообще кто-нибудь видит, что мне плохо?!» – в голове билась тревожная мысль, что он умер, а все это: аудитория, лекция, студенты, Гошка, что недоуменно смотрит на него, Сашка, тоже не спускает с него глаз, – ему кажется. Хотелось кричать, но в горле сухо, словно неделю ел только песок и даже открыть его большая проблема.

– Иль, может хватить пялиться в одну точку, урок давно кончился, – донеслось до сознания.

– А?.. Что? – пришел в себя Волосов, ошарашено осматриваясь по сторонам. – Вы сейчас это видели?

– Нет, а должны были? – спросил Александр.

– Илья, что мы должны были увидеть? – это уже Георгий.

– Я сейчас... – вот как объяснить, то, что чувствуешь? – Со мной, что-то происходило, словно я менялся, – наконец вымолвил он.

– Илья Николаевич, ты сидел, все сорок минут на месте и слушал Михайловну. Даже поддакивал ей. Если бы с тобой что-то происходило, то я бы заметил, да и Сашка тоже.

– Это было... во мне, – тихо ответил Волосов.

– Слушай, по-моему, нам все же надо к врачу, – взял под руку друга Гоша. – Причем, чем быстрее, тем лучше.

– Согласен, – поддержал его Петровский. – Я вызову такси. Доведешь его, а то у меня еще дела срочные есть.

– Да, не беспокойся. Пошлю, Илюх, посидишь в холле.

Такси прибыло через десять минут и все это время к друзьям подходили однокурсники и интересовались, как Илья себя чувствует, может, чем помочь, до врача довести – «машина тут рядом стоит». Веснов сдержано благодарил, но отказывался, утверждая, что «все нормально, просто небольшое головокружение».

– Куда? – поинтересовался водитель желтой машины.

– Старообрядческая, – быстро выпалил Гошка, усаживая Илью на заднее сидение и присаживаясь рядом.

– Мы же хотели в больницу?

– Да, зачем тебе больница? – отмахнулся юноша. – Дома пару часов полежишь, и все пройдет. Ну, в крайнем случае, Петра Михайловича пригласишь, заодно с Лелькой увидишься, – подмигнул Веснов.

– Так куда? – не понял таксист.

– Старообрядческая, три, – холодно бросил Георгий и откинулся на сидение.

– Все нормально, я только несильно упал, – уговаривал по телефону девушку Илья. Как только она узнала, тут же высказала рвение примчаться к нему и самой убедиться, что все в порядке. – Не волнуйся, твой отец сказал, что ничего страшного нет... Со мной все хорошо... Да, завтра увидимся... И я... Целую.

Соврал он ей конечно. Петр Михайлович действительно сказал, что ничего серьезного нет, даже сотрясения. Но почему так плохо? Илья понимал, что-то происходит. Вот только что, он ни как не мог понять. Внешне все как обычно, он ходит, говорит, что-то делает, улыбается и успокаивает девушку, но внутри... как будто мир перевернулся.

Илья уже полчаса стоит под ледяным душем, но тело никак не хотело остужаться, а наоборот нагревалось так, что ванну заволокло паром – вода испарялась быстрее, чем достигала тела.

Сорок минут спустя, когда уже не мог выносить собственного жара, он вылез из душа и поплелся к себе в комнату.

– Илейка, как ты себя чувствуешь? – поинтересовался дед, выглядывая из кабинета, где как раз сейчас находится и Родов.

– Нормально, – ободряюще улыбнулся Илья и, войдя в комнату, закрыл ее на ключ, чего никогда раньше не делал.

Кровать, скрипнув, приняла разгоряченное тело, вентилятор закрутил лопастями, нагоняя холодный воздух, что проникал из распахнутого настежь окна.

– У меня жар, – потрогал Илья горячий лоб. – Надо деда позвать, – с трудом поднялся он с постели, – и Петра Михайловича...

Комната закружилась в бешеном ритме, словно он попал в волчок, сердце надрывно застучало, мышцы до скрипа напряглись, с трудом растягивая кожу. Шаг... еще шаг и рука легла на ручку двери... надо только нажать. Сердце стучало так, словно хотело взорваться от напряжения... Надо только нажать... Мышцы рвались наружу, разрывая кожу... Надо только нажать... От напряжения перед глазами красная пелена... Только нажать... В ушах шум, что оглушает... Нажать.

Бесчувственное тело упало на пол. Ему бы врача: сердце молчит, из глаз тонкой струйкой бежит кровь, по всему телу кожа треснула, как будто он перележал на жарком солнце. В окно, трепеща занавеску, дул прохладный воздух, размахивал лопастями вентилятор, поворачивая «голову» из стороны в сторону, а на полу, протянув руку вверх, лежал Илья.

Мразь пытался создать заклинание, но трясущиеся руки не самый лучший помощник. Уже третий раз подряд, он портит зелье, просыпая порошок сверх меры. Мерзко пахнущий отвар и правильно произнесенные слова залог его жизни. Он мог вызвать Убийцу и без этого, но зная крутой нрав волколака, боялся.

Волколаки или волки-оборотни со времен своего создания служили Хозяину, исполняя его приказы. Прирожденные убийцы и охотники, много людей, да и нелюдей, они проводили в подземный мир. Волколаки были большого роста, умели стоять на двух лапах, ловко орудуя передними, раздирая жертву. Их мощные клыки могли перегрызть даже цепи, выкованные самим богом Грома, а это никто не мог. Густая черная шерсть делала их невидимыми ночью, а острый нюх позволял найти жертву пусть она и за толстыми стенами, или под землей, даже на небесах. А еще волколаки славились дурным нравом и жадой убийства. И вот сейчас Мразь старается разбудить одного из них, предварительно оградив себя мощным заклинанием.

Наконец зелье было готово и существо, выпив его залпом, быстро произнесло заклинание. Вокруг него коротко блеснуло, синим, а по телу пробежали электрические мурашки. Все готово.

– О, Великий Волк, – начал он, поднимая руки, – я, раб Повелителя, устами его и словами, приказываю тебе проснуться и предстать передо мной.

Тишина.

– О, Великий Волк, я, раб Повелителя, взываю к тебе, его мыслями и желаниями – проснись, появись, исполни волю Хозяина.

Мразь дрожал, но слова произносил четко и громко – никто ведь не услышит. Вся процедура (так ее назовем) проходила на заброшенном пустыре, где даже бомжи боялись появляться. Да, пробуждать Убийц надо только во внешнем мире, они очень не любили подземелье с его затхлым запахом мертвечины и чадающих факелов. Тьма сгущалась вокруг существа, заворачиваясь в небольшой вихрь. Луна спряталась за тяжелые и низкие тучи, испугавшись того, что сейчас происходит. Только несколько факелов освещали место пробуждения.

– О, Великий Волк, я... – в третий раз начало существо, уже боясь, что что-то делает не так.

– Ты – раб, – прорычали сзади, и в следующую секунду Мразь оказался брошенным на землю, а сверху его прижимала тяжелая туша.

– Я... я... приказываю, – не сразу нашелся он.

– Приказываешь? – в ухо задышало горячим.

– М... мо... мой Хозяин, приказывает.

– А кто твой хозяин? – перед глазами показался красный язык, с которого капала слюна и с шипением уходила в землю.

– Он Повелитель подземного мира, – быстро вымолвило существо.

Мразь не на шутку перепугался, ведь думал, что заклинание и зелье не помогло, но Убийца его не трогал, а только вжимал в землю и тяжело дышал над ухом, заставляя трепетать маленькое сердечко.

– Повелитель, говоришь? – в следующую секунду давление исчезло. – Тогда слушаю.

Раб медленно поднялся и, осторожно отряхнув одежду, повернулся. Перед ним стоял человек. Мразь даже икнул и протер глаза, на тот случай если заклинание плохо сработало и дало побочные эффекты, но мужчина не исчез, а стоял и с усмешкой рассматривал его.

– Ты... Убийца? – на всякий случай переспросил он, все еще не доверяя зрению.

– Да, – коротко бросил человек, и на краткий миг его лицо приняло истинное обличье.

Мразь отшатнулся назад, споткнулся, упал и начал задышаться, жадно ловя воздух. Волколак громко, запрокинув голову, рассмеялся, над неловкостью маленького существа и ему вторили факелы, двигаясь в такт проснувшегося ветра.

– Приказывай, – показал клыки оборотень.

– Нам надо что бы...

– Нам? – прервал волк.

– Повелителю, – тут же поправилось существо, – надо чтобы ты следил за одним человеком.

– Люди, – шумно втянул воздух Убийца. – Такие милые и мягкие, и костей мало, – облизнулся он.

– Его не трогать, – быстро выпалил Мразь. – Он нужен Повелителю живой... до определенного момента.

– Хорошо, – в голосе слышалось разочарование. – Кто он?

Сегодня у Киры Кирилловны с самого утра незаладилось. Во-первых, проспала, чего раньше не случалось. Обычно она вставал до полудня, а тут уже три минуты первого, а солнце ни как не проклюнется из-за туч.

– Зараза, огненная, – выругалась старушка.

Да, забыл сказать: Кире Кирилловне недавно исполнилось семьдесят. И любой бы ее принял за благообразную женщину: седые волосы распущены и стекают неопрятными прядями по плечам, черная юбка нестирана со времен царя Гороха, так же как и серая кофта, которая была белой... когда-то и все это на худом тельце, которое даже легкий ветер заставляет шататься.

Нет, на благообразную она не похожа – ошибка. Тем более что и нрав у нее был под стать внешнему виду: злобный, крикливый, вечно гневливый и недовольный, словно ее в детстве обидели, а прощение попросить забыли. А во-вторых...

– Марька, где кастрюли?! – крикнула она в коридор.

– Внизу, на второй полке... слева, – донесся из комнаты детский голосок.

– Не вижу... да где же эта зараза? – копалась Кира Кирилловна в ящике. – Марька, нет ее тут, – разогнулась она, задержав дыхание.

– Бабушка, я же сказала, что она на второй полке.

В кухню вошла девочка шести лет: светлые волосы, разбросанные по плечам, лишь немного захвачены ободком; большие зеленые глаза на миленьком личике, давали ощущение, что девочка все время удивляется. Легкое желтое платьице, перехвачено красным ремешком, а голые ножки переминаются с пятки на носок, наблюдая за поисками бабушки.

– Во, нашла, – из-под гор посуды была извлечена старая кастрюля, место которой на помойке.

– Ба, может стоит купить новую? – с сомнением посмотрела Маруся на то, как в посуду наливается вода, и она же течет из нее – на дне дырка образовалась.

– Ну вот еще, такие деньжищи тратить. Обойдемся и этим, – с силой плюхнула она кастрюлю на плиту. – Иди, давай, неча тут торчать. Приготовлю – позову.

Маруся только вздохнула, опустив маленькие плечики, а потом, махнув рукой, ускакала в комнату. Она уже привыкла к бабушкиной манере общения и даже не злилась на нее, когда та вдруг начинала на нее кричать и замахиваться руками. Вот только ударить она никогда не посмеет.

Кира Кирилловна в это время возилась, стараясь приготовить геркулесовую кашу. Она очень любила ее, и ела бы каждый день, но Марька возражала против каш вообще и «Геркулеса» в частности. Приходилось с тяжелым сердцем готовить, что-то другое, что более подходит для шестилетнего ребенка, который вырастет.

Вода закипела, и хлопья медленно посыпались в кастрюлю, где создавала водоворот деревянная ложка. Кира Кирилловна стояла, высунув кончик языка от усердия, осторожно – чуть ли не по крошке – добавляя кашу в горячую воду.

Резкий перезвон дверного звонка заставил ее вздрогнуть и коробка, чуть подпрыгнув в руке, опрокинулась в кипятки. Ох, не повезет тому, кто позвонил в дверь – Кирилловна скоро на расправу.

– Да чтоб вас черти съели! – взбеленилась старуха, подбегая к двери и распахивая ее настежь.

Солнце давно уже взобралось на небо, вот только тучи мешают ему отдать все свое тепло, приходится делать это по лучику, по капельке. С самого утра небо грозит разродиться дождем, нагоняя свинцовые плиты, что нависли над городом, заставляя тот нервно поглядывать наверх, а кому-то и чертыхаться, потому, что зонтик дома забыл.

Илья резко сел в кровати, уставившись на – теперь уже – ноябрьский пейзаж. С недоумением оглядел комнату. Быстро ощупал себя. Нет, все в порядке – он еще живой. Ай! Точно живой, рука бы так не болела. Осторожно встал, держась за стену – вдруг упадет, – но ноги держат легко и без претензий. В голове все спокойно, точно в тихой гавани, можно оставить стену в покое.

Юноша еще пару минут постоял, вспоминая вчерашний вечер. Он ведь точно помнит, как было плохо, он пытался позвать деда и Петра Михайловича, но, не сумев открыть дверь, упал на пол и... Нет, он живой, но почему такое ощущение, что умер? Да, сейчас он чувствует себя превосходно. Илья даже подпрыгнул пару раз, тело с радостью отозвалось на движение. А вчера...

– Илейка, ты уже встал? – раздалось из-за двери.

– Да... Да, встал, – не сразу нашелся он.

– Тогда иди обедать... Ну и горазд ты спать, внучок, – услышал он уже удаляющийся голос деда.

Все еще мало что, понимая, Илья, надел спортивные штаны, майку и открыл дверь. Точнее дернул за ручку, но дверь осталась стоять на прежнем месте. Он дернул сильнее, но дерево словно приросло к косяку, и никак не хотело отвечать на юношеские потуги. Он еще пару раз дернул ручку, и уже было решил позвать деда, когда вспомнил, что вчера, собственноручно закрыл дверь на замок. Просто никогда этого раньше не делал, поэтому и сразу не догадался. Раздался щелчок, и путь из комнаты был открыт.

Илья осторожно выглянул в коридор, все еще немного сомневаясь, что он в порядке. (Илья, а не коридор, с последним-то все в норме). Все как прежде: стены, палас, вон Щур на коврик лежит и смотрит на него такими глазами, словно понимает, что юноша сейчас чувствует.

– Все нормально, Щур, – походя, потрепал собаку по холке. Раздался негромкий недоверчивый твэк. – Дед, ты тут? – он заглянул на кухню.

В ответ молчание, да Баюн сонно встрепенулся и вновь спрятал голову под крыло. На кухне никого, а на столе завтрак (или обед): яичница, пара тостов, кофе.

Какой-то он сегодня недоверчивый. Осторожно сел на стул, словно боясь, что он под ним развалится, так же бережно взял вилку – ну не из расплавленного же она металла, – с опаской положил кусок яичницы в рот и... Обеденный завтрак исчез, прежде чем кто-нибудь что-нибудь успел сказать. Да и говорить особо некому.

«Мало», – проорчал желудок и потребовал еще. Ну как тут не подчиниться, и пришлось Илье лезть в холодильник, чего – замечу – он никогда раньше не делал. Что-то он слишком много того, чего раньше не делал, делает. Холодильник был вычищен на половину – на большее Волосова не хватило – минут за двадцать. При этом живот так раздулся, словно он проглотил мяч,

– Внучек, – удивился Власий, войдя в кухню, – что с тобой?

– Есть очень хочется, – честно признался Илья, дожевывая кусок колбасы.

– Значит, выздоравливаешь, – улыбнулся дедушка, делая внуку очередной бутерброд.

– Нет... Все... Больше не могу, – с трудом выдохнул внук, глядя на то, как дед сооружает Пизанскую башню в мире бутербродов. – Обьелся, – похлопал он себя по животу.

– Ну и правильно, – непонятно с чем согласился старик и разом откусил треть бутерброда. – Может, Щура выгуляешь?.. Да и себя тоже, – прищурившись, спросил он.

– Ага, – кивнул Илья и ему вторил радостный лай пса.

Чем плоха осень, зима и весна? Нет, я не спрашиваю чем они хороши, мы это итак знаем. Меня больше интересует, почему мы их не любим. Ответ прост – холодно. Лично я не люблю холод, но волею судеб был рожден в этом климате. Даже если нет дождя, грязи, или толстый слой снега все покрывает, для того чтобы выйти на улицу вам нужно нечто больше чем шорты, майка и тапки на босу ногу. Собакам хорошо, они круглогодично носят одежду и им даже одеваться не приходится. Так что Щур стоял в коридоре и терпеливо дожидался хозяина: пока тот натянет на мигом располневшего себя джинсы, толстовку, потом и ботинки еще. Если бы собаки умели говорить, то Щур высказал бы все, что он думает о человеке, который придумал шнурки.

– Все, – выпрямился Илья. – Пошли, – на шее кавказа щелкнул поводок.

Лифт ждать не стали, по лестнице... пусть не быстрее, зато полезнее. Пес семенил по ступеням, чуть ли не таща за собой молодого хозяина, пока резко не остановился на третьем этаже, возле...

– Нет, только не к ней, – взмолился парень. – И не смотри на меня так. Да, я понимаю, что тебе с ней нравится, но ее бабушка, – он поежился.

С недавних пор Щур полюбил прогулки с Марусей. Каждый раз, когда они шли на улицу, пес тащил его к этим дверям и не отходил от них, пока Илья не соглашался. Вот и сейчас: строгий, но в тоже время просящий взгляд; тихое поскуливание; осторожное поскребывание лапой в дверь. Иля ведь не камень.

– Только потому, что ты мне друг, – выдохнул Волосов и нажал кнопку звонка.

Кира Кирилловна подскочила к двери, рванула ее на себя

– Да чтоб вас черти съели! – раздался крик на всю площадку. Она хотела добавить еще несколько... десятков или сотен слов, но замерла, недоуменно смотря на Илью. – Ты чего?

А дело в том, что Волосов-младший, рискуя свалиться вниз, прижался к перилам, а на лице у него был написан такой страх, словно он самого дьявола увидел. Хотя то, что видел парень в этот момент, даже черту покажется ужасным. Перед ним, распахнув дверь, стояла безобразная, скрюченная старуха маленького роста: голова с наперсток, тело не толще соломинки, одета в лохмотья, да еще и босиком, а крохотные глазки готовы прожечь все, что попадется в поле зрения.

Где-то далеко в подсознании Илья понимал, что Кира Кирилловна не идеал красоты, но чтобы ТАК. Щур негромко зарычал, и шерсть на загривке пришла в движение. Он тоже недолюбливал старуху – от нее пахло сыростью и затхлостью. Илья помотал головой и вновь посмотрел на соседку – все нормально: прежняя старушка со своими бо-ольшими тараканами в голове.

– Маруся дома? – хриплым голосом спросил он, стараясь понять: привиделось ему или нет?

– Марька! – раздался зычный зов и Кирилловна, выругнувшись сквозь зубы, ушла, к большому облегчению Щура и Ильи.

– Щурик, – раздался радостный визг и на пса налетел светловолосый вихрь, чуть не снеся его с лестницы.

Девочка любила собаку, каждый раз стараясь ее подкормить чем-нибудь вкусным. Каз-каз осторожно брал лакомство из маленьких рук, но не съедал его при ней, а ходил куда-нибудь за угол и вскорости возвращался оттуда со счастливой мордой. Откуда было знать крохе, что Щур не ел того, что ему давали не хозяева. Просто он не хотел расстраивать свою зеленоглазую подружку, поэтому уходил и закапывал лакомство или прятал его, чтобы она не нашла.

– Пойдешь с нами гулять? – в принципе бесполезный вопрос, учитывая, что Маруся, подтащив пса к двери, пытается одной рукой не выпускать мохнатую шею, а второй одеться. Как ей это удастся – загадка.

– Бабушка, мы гулять, – девичий голосок залетел в квартиру и, прежде чем кто-либо услышал ответ, дверь захлопнулась.

Кавказец был почти ростом с малышку, а если встанет на задние лапы, то это как медведь перед человеком. То-то и было удивительно, как это хрупкое зеленоглазое создание, может вести на поводке такую громаду. Ведь если пес рванет, Марью попросту сдует с места. Однако она спокойно шла рядом со Щуром, который доставал ей до плеча, а в руке болтался поводок, так... для приличия.

Улица приняла их прохладой, обещанием разродиться дождем, детским гомоном и фырчаньем автомобилей. Маруся со Щуром сразу же повернули в сторону леса, а Илья, подняв воротник куртки, шел позади.

– Привет, красавчик, – вдруг раздалось сзади.

– Привет, – елеинным голосом, чуть ли не пропел Волосов.

Они с Лелей уже несколько месяцев встречаются, а он все никак не налюбуется ею, каждый раз боясь, что это сказка или сон, который вот-вот исчезнет.

– Я к тебе как раз шла. Решила проведать, как там больной.

– Больной чувствует себя отлично, – выпятил грудь парень, больше бахвалясь.

– Привет, – вежливый голосок прозвучал снизу.

– Здравствуй, Маруся, – присела на корточки Леля. – Хочешь? – из недр пальто появилась конфета.

– Хочу, – быстрый кивок и столь же быстро сладость переключалась от одной хозяйки к другой.

– А для меня конфета? – вопросительно посмотрел Илья на девушку.

– Для тебя у меня есть нечто другое, – ответила та поднимаясь.

– Две конфеты? – вопросительно посмотрела Маруся на пару.

– Нет, – улыбнулась Леля, – гораздо лучше.

– Много конфет, – глаза ребенка расширились, когда она представила себе эту кучу.

– Очень много, – томно проговорила девушка.

– Фу-у, – закрыла глаза ладошкой себе и псу Марья, и высунула язык, показывая свое отношение к целующейся паре.

– Я сегодня Рога видел, – спрыгнул с дерева Жык.

– Хм, а я думал его Леший давно к себе прибрал, – искренне удивился Стах. – Сколько его не было?

– Довольно долго, – отозвался откуда-то из веток Стык. – Забыл он семью, только месть свою и лелеет, – плевком повис на листе, покачался несколько секунд под осенним ветром и плюхнулся на землю.

– Ох, и доиграется он, – вздохнул Жык.

Ему было жаль приятеля, как ни как вместе столько прожили, а, сколько народу попугали – о, и не пересчитать. А сейчас Рог, заведя их, уходит с тропы, словно не хочет знаясь. Жык пытался с ним несколько раз поговорить, но в ответ получил только тычки и пинки, а порой холодной молчание – и это его злило больше всего.

Парадоксально, но тати не стайные существа. Конечно, они живут вместе, пугают и охотятся вместе, но если возникает опасность – каждый сам за себя. Если собрат уходит, никто его не остановит – одним ртом меньше. Война или месть дело индивидуальное и вмешиваться в него считалось у татей плохим тоном. Однако Жыку было жаль... пусть не друга, но близкого собрата и он искренне пытался ему помочь.

– Надо бы его вернуть, – вновь обмолвился он.

– Жык, оставь ты его к лешему, – отмахнулся Стах. – Он сам ушел от нас. Вот пусть и шляется один как дурак по лесу.

– Правильно, – поддержал Стык. – Нехер было из себя обиженного строить.

– Его оскорбил человек, – напомнил Жык. – Он должен отомстить.

– Ага, а ты помнишь, что нам Леший сказал? – повис на дереве тать.

– Мальчишек не трогать, – еле слышно сказал Жык.

– Вот именно. Я не дурак чтобы против лесного царя переть. Мне еще шкура дорога, – нюхнул Стах подмышки.

– Тать прав, – спрыгнул Стык. – Рог дурак и умрет как дурак, если не бросит эту затею. Леший его, в конце концов, замочит и даже имени не спросит, – очередной плевком упал на землю. – И чем дальше мы от него будем, тем наши шкуры целее.

– Суки, – прошипел Рог, прислушиваясь к разговору братьев.

Он сидел на самой верхушке ели и не был виден даже опытному глазу. За несколько веков познаешь все азы маскировки.

– Предатели ублюдочные, – негромко шипел он. – Решили меня Лешему сдать, да? А он вам за это даст возможность выходить за пределы? Нет, твари, я разделаюсь и с вами и с мальчишкой. И мне не нужен царек, – саркастически, – чтобы выйти за пределы.

Каждый тать или группа татей имела свои так называемые владения, которые им выделил Леший. Существовали сотни невидимых обычному глазу границ, заходить за которые запрещалось. Да, конечно между лесными жителями возникали разногласия, даже войны и тогда о границах забывали, но стоило всему стихнуть, как Леший напоминал, что «Вышедшие за пределы будет уничтожен, как нарушившие мой закон». И все боялись выходить, потому что лесной царь не шутит. А Рог посмел.

Посмел нарушить незыблемое правило, царящее в лесу не одно столетие. Нет, он не боялся гнева других татей, их всего осталось в лесу четверо вместе с ним, он уже не боялся Лешего, так как узрел страх более сильный. Большого всего он боялся не смыть позор, нанесенный ему человеком. И теперь его бывшие соплеменники сидят и говорят, что он «дурак, раз решился на такое».

– Кретины, идиоты, трусливые псы. Я всем покажу, как Рог чтит право мести и даже лесной царь не может отменить его.

Тать перескочил на другое дерево, задержался там немного, втягивая промозглый воздух, и быстрыми скачками понесся в сторону небольшой аллеи.

– Илюшь, ну купи, – дергала Маруся парня за рукав. – Ну купи, иначе не отстану.

Она его уже пять минут спрашивает купить мороженное. Да, представьте себе на лесной аллее, неведомо откуда объявился мороженщик с тележкой. И это в ноябре! Вечером!! На что он рассчитывал? Видимо на таких попрошайек как Маруся и таких безотказных как Илья и Леля. Волосов противился до последнего, и не, потому что денег жалко, а потому что... Вы бы в ноябре (!) купили ребенку мороженное, которое он обязательно слямзит, не отходя от вас?.. Вот, и Илья понимал, чем грозит возвращение лета в осенний день.

– Да купи ты ей, а то ведь не уговорить, – попросила Леля, глядя чуть ли не в заплаканное лицо малышки.

Юноша закатил глаза, сказал, что не за что не отвечает: «Заболеешь, будешь сама с бабушкой объясняться», – и после клятвенного заверения, что «будет», купил.

– Два, – тут же выпалила Маруся, как только деньги покинули кошелек. – Это Щурику, – пояснила она, хлопая длинными ресницами.

– Два, – вздохнул Илья, понимая, что купил бы и десять, если бы эта бестия его попросила.

Сладость была уничтожена быстрее, чем ледышка под кипятком. Щур, все так же деликатно отнес мороженное в ближайшие кусты и через пару минут появился с довольной мордой. Сделаем вид, что мы не слышали, как он быстро выкапывал ямку, благо Маруся в это время была занята голубями.

– С тобой точно все в порядке? – в который раз спрашивает Леля.

– Милая, посмотри на меня, – Илья отстранился от девушки. – Руки – есть, – он повертел ладонями, – ноги – тоже, – пристукнул подошвами. – Представь себе, что даже голова есть, – улыбнулся он. – И все остальное. Где ты еще видела таких здоровых больных?

– Нигде, – вынуждено признала Леля. – Всякое бывает, – тут же быстро добавила, оставляя последнее слово за собой.

Волосов только тяжело вздохнул и, взяв девушку под руку, направился за странной парочкой: шестилетней девочкой, ведущую собаку с нее ростом.

Любое время года имеет свои плюсы и минусы. Леля любила осень за ее цвета: красный, желтый, золотой, коричневый, багряный. Любила за то, что каждый день может наблюдать ход времени: листья меняют цвет, опадают и дарят радость людям, шурша под ногами.

С весной мало что сравниться, но осень была второй любовью. Постепенно обнажающаяся красота природы; деревья, что скидывают с себя последние покровы; дождь, по-осеннему холодный, но все еще приносящий радость своими перестуками в окно.

Она шла, держась за руку любимого человека. Вдыхала вечерний воздух, с водной пылью, что многие принимали за морось. Взбивала сапожками охапки листьев, что разлетались во все стороны, и прилипали к ногам, создавая невообразимые узоры. Спросите, счастлива ли она сейчас?.. Да, счастлива. Она это скажет, не покривив душой, и повторит сотню, тысячу раз, если понадобится. И все же, что-то нехорошее было на душе, что не давало покоя и не могло дать улыбке прорваться наружу.

– Лель, что с тобой? – обеспокоено, посмотрел Илья на девушку. – Что-то случилось?

– Нет, все хорошо, – тут же отозвалась она и выдавила улыбку – плохо получилось. – Просто осень так действует, – покривила душой. – Да и твое падение.

– Со мной все хорошо, – в сотни... тысячный... десятки тысячный раз повторил Иля. – Не волнуйся – я же рядом.

– Ты мой рыцарь, – вот на этот раз улыбка искренняя, да и поцелуй тоже.

– Девка не в счет, мелюзгу порву, даже пискнуть не успеет, – размышлял Рог, наблюдая за мальчишкой.

Сегодня он вновь не один, но угрозу представляет только пес, что тащится с мелкой девчонкой. Рог не чувствовал того страха, что был в прошлый раз, значит это другой мальчишка, а его сегодня с ним нет. Вечерняя аллея пуста, да и в такую погоду мало кто сунется на улицу. Идеальное время для идеальной мести.

С треском сломался толстый сук – оружие против собаки. Тать прятался в густой ели, что росла прямо над тропкой, по которой идет этот несчастный, что вскоре будет умолять его убить. Но Рог этого не сделает... Точнее не сделает сразу. Местью надо наслаждаться – долго.

– Маруся, далеко не убегай, – встревожено крикнул Илья, видя, как девочка убежала вперед по плохо освещенной аллее.

– Не волнуйся, с ней Щур. Он не даст ее в обиду, – успокаивающе сказала Леля, прильнув к юноше.

– И все же, – помыслив пару секунд, ответил Волосов. – Надо ее догнать... Маруся! Щур!

Первыми с елью поравнялись мелюзга и псина. Тать сжал сук в руке, намереваясь одним ударом, если не разmozжить собаке голову, то оглушить ее. Девчонка совсем не представляла угрозу, достаточно одного удара. Вот тогда он насладиться своей мстью, девка, что с ублюдком умрет вместе с ним.

– Щурик, что ты остановился? – приобняла пса за шею Маруся.

Кавказ стоял, ошестинившись и глухо рыча куда-то в темноту. Тело его мелко подрагивало, а большие клыки поблескивали в тусклых лучах фонарей.

– Щурик, что?..

Договорит девочка, не успела. Сверху упала какая-то тень и с диким рыком опустила что-то тяжелое на голову собаке. Раздался короткий визг. Маруся закричала. На нее из темноты уставились страшные глаза, и длинные руки с кривыми пальцами потянулись к ней.

– Щур! – разом выдохнули парень с девушкой и тут же. – Маруся!!!

Илья побежал что есть силы. Он боялся. Боялся, прежде всего, за маленькую девочку, что сейчас одна. Со Щуром что-то случилось, не зря он так взвизгнул. Впереди, там, где тьма становилась особенно густой, а фонари почти не горели, мелькали две фигуры: маленькая и... средняя, даже по сравнению с первой.

Рог взвыл и попытался ударить пса палкой. Все сразу же пошло не так. Вместо того чтобы завалиться на землю, а в лучшем случае умереть собака только взвизгнула, отскочив в сторону и тут же бросилась на татя. Вот этого он явно не ожидал, потому что все его внимание переключилось на девочку, что закричала – времени было мало. Нет, он не боялся, что им помешают, его цель не мелочь пузатая, а тот, кто ринется ей на помощь. И в это время икру обожгло неимоверной болью – клыки вошли в мясо.

Тать взвыл, пытаясь освободиться от железного хвата пса.

– Фас его, Щурик, фас! – кричала девочка, указывая маленьким пальчиком на Рога.

– Маруся, уйди! – Леля подхватила девочку и потащила в сторону.

– Отпусти, там Илюша, – пытался вырваться ребенок.

Девушке удалось удержать вертлявую особу одной рукой, а второй достать мобильный телефон.

– Нам нужна помощь, – бросила она в трубку и тут же закрыла ее.

– Сами справимся, – холодно посмотрела девочка на Лелю. – Не нужно их звать.

– Мария, – строго посмотрела девушка.

– Рожаница, – не менее строго, не по-детски взрослым взглядом ответила кроха. –

Отзови их. Он должен сам.

Нехотя Леля набрала номер.

– Не надо, – тихо произнесла и обреченно посмотрела на Илью.

– Все будет хорошо. Ему еще рано, – маленькая ладошка обхватила два пальца девушки, и чуть сжали их. В это время к ним подошел Щур и присел, позволив Марусе обхватить себя за шею.

– Ты умрешь, человечиска.

– Не надо совершать глупостей, – пытался вразумить явно чокнутого Илья. – Мы никому не хотим зла. Просто отпустите нас, и мы даже милицию вызывать не будем.

– Насрать, – выплюнул тать, поморщившись от боли.

Пес сильно потрепал ногу, но она заживет за неделю, а вот нанесенное оскорбление – никогда.

– Я заставлю тебя ответить, – оскалился он.

– Да я тебе ничего не сделал! – вот тут уже Илья взбеленился.

На них напали, точнее на маленькую беззащитную девочку, теперь чуть ли не обвинения предъявляют, а он даже понятий не имеет – за что?

– Не сделал?! А вот это вот, – ненавистно посмотрел Рог на парня, приподнимая волосы, – это ты сделал, гаденыш.

Волосов не сразу сообразил, что хотел показать этот мужик бомжеватого вида.

– У меня там шрам! – взвизгнул тать, видя, что юноша не понимает, и бросился на врага.

Илья не ожидал такого напора. Мужик был ему по грудь, и парен спокойно мог бы удержать его на вытянутой руке. Вот только по этой руке только что здорово заехали когтями. Только тут Волосов увидел, что у бомжа длинные ногти, что больше напоминали хищные когти. Пальцы мелькнули перед лицом, чуть не задев глаза, но все, же оцарапав щеку.

– Умрешь, сука, – надрывался тать, пытаясь задеть мальчишку.

Плохо ему это удавалось. Правда все же удалось задеть гаденыша, и тать насел, стараясь уничтожить обидчика прежде чем объявиться Леший. Ветер усиливался, луна скоро уходила за тучи, а фонари, что и так не радовали ярким светом, начали мигать, с каждой секундой мерцая все чаще.

– Умри! – завопил Рог и ударил наотмашь несколько раз, надеясь, попасть в лицо или живот.

Илья еле успел отскочить и втянуть живот, чтобы когти не достали, а то куртка уже больше лохмотья напоминает. Но она, же его пока и спасает.

– Урод, – выплюнул слово Волосов и прямым ударил в челюсть.

Кулак врезался в лицо, заставляя бомжа отступить на шаг, и тут Илью прорвало. Он бил: яростно, иступленно, нанося удар за ударом. Тать мог только закрываться, уже не надеясь ответить в ответ. Удары сыпались, один за другим, не переставая. Ветер усилился до крайности, больше напоминая ураган, вот только он не сбивал с ног и не вырвал с корнями деревья, чтобы отпустить их на какую-нибудь машину.

– РОГ!!! – в мозг тать врезался голос, заставляя его скукожиться от страха. Он уже и забыл, что значит лесной царь в своих владениях.

Тут же еще один удар настиг бомжа, и он упал на землю, закатившись под какой-то куст. Волосов было бросился к нему, чтобы... добить? Это на секунду удивило парня, ведь раньше он не был таким кровожадным.

– Иля, – встревоженный голос достиг ушей, мгновения заставляя забыть об избитом мужике.

– С вами все хорошо? – подбежал он к спутницам, пару раз тряхнув головой, словно отмахиваясь от мух. – Маруся, он ничего сделать не успел?

– Нет, только напугал, – потупила глазки девочка. – Меня Щур спас, – она чмокнула пса в нос.

– Спасибо, приятель, – потрепал Илья кавказа. – Ты как?

– За тебя испугалась, – прижалась Леля к юноше. – Уже второй раз нам эта аллея грозит.

– Ничего страшного не произошло. Просто мужик выпил лишнего, – попытался он успокоить девушку, поглаживая по голове. – Думая, чем быстрее мы отсюда уйдем...

– Да, пошли, а то меня бабушка ждет, – маленькие пальчики ухватились за шерсть собаки.

– Ты еще за это заплатишь, сволочь, – выплюнул кровавый сгусток Рог.

Он успел уйти, прежде чем появился Леший. Он знал, что лесной царь не посмеет явиться перед людьми и сыграл на этом, ускользнув в кусты и побежав, что есть силы, подальше от этого места. Тать был зол: на ублюдка, что тот побил – а это смертельное оскорбление; на себя, что не смог усладить месть; на грязную шавку, что посмела не умереть от его удара; на мелюзгу, что закричала.

– Ничего, мы еще встретимся и вот тогда, ты заплатишь за все свои оскорбления, – утирался грязным рукавом Рог, сидя в небольшой пещере под корнями старого дуба, почти на окраине леса. Сюда Леший не пойдет, но и Рогу теперь нужно быть осторожным – лес умеет слышать и разговаривать очень быстро.

— 8 —

— Сколько?

— Две штуки — час. Шесть — ночь, — привычная цена, для привычного дела.

— А не дорого?

— Как хочешь, — она сразу потеряла интерес к клиенту. — Может, найдешь и дешевле.

— Ладно, давай, — скривившись, согласился он.

— Сколько? — интерес сразу восстановился.

Радана провела ладонями по округлым бедрам снизу-вверх... по плоскому животику, и остановились на белоснежной груди.

— Дразнишь? — поинтересовался клиент.

— А если и так? — с вызовом ответила путана. — Что ты сделаешь?

— Придумаем, что-нибудь...

Радана улыбнулась, мало какой клиент мог устоять против ее чар: классной попки и крупной груди, что еле помещалась в лифе. Вот и этот попался. Она сразу его приметилла, стоило остановиться машине и выйти ему. Серое пальто с поднятым воротником, темный ежик волос над ним, но ее привлекли глаза: столь, же серые, как этот вечер, и глядящие на тебя, словно видят каждую клеточку. Он выбирал не долго, сразу указав на Радану. Она всегда была в первых рядах, особенно если в ее смену не работала Марьяна — та была нарасхват, чуть очередь не выстраивалась. Но ее сегодня не было, значит, все внимание только ей.

Клиент не выглядел бедно. Она умеет различать человека с деньгами, от простого, кто решил получить любовь за небольшую плату. Радана не из дешевых, поэтому и удивилась, что клиенту не понравились ее цены. Он несколько секунд размышлял, перебирая четки.

— На всю ночь, — уголками губ улыбнулся он, смотря на русалку. — Садись, — открыл он перед ней дверь.

— У меня тут хата недалеко.

— Лучше у меня. Мне так привычной, — тут же пояснил он, на только открывшийся ротик путаны. — Не бойся, я один живу.

— Все вы так говорите, — прохладно заметила Радана, — а потом пытаетесь на халяву получить сверх платы, — у нее уже бывало подобное. В таком случае приходилось себя сдерживать, и она не могла насладиться человеческой душой.

— Я один, — повторил он, и машина рванула с места, быстро уносясь по полутемному шоссе.

— Опять повезло, — с завистью посмотрели другие проститутки в след машине. — Хороший мужик попался.

— Не надо, — прозвучал в телефоне тихий голос.

— Михалыч, что там? — Родов нервничал, что с ним случалось крайне редко, точнее, никогда... до последнего времени.

— Она сказала, что он сам справится, — Власий посмотрел на друга.

— Может, стоит ему помочь, мы ведь не знаем, кто на них напал, — Петр Михайлович уже был в пальто, осталось выскочить за дверь.

— Нет. Она сказала, то мы должны остаться, — отрицательно покачал головой Волосов. — Если что Леля сама может справиться, к тому же Щур рядом.

— Ты ведь знаешь, что еще рано.

— С ними Мария, — посмотрел из-под бровей старик.

Родов опустил на маленькую скамеечку подле двери, и отер вспотевший лоб.

— Если так, — наконец вымолвил он и начал снимать пальто.

– Петр, я тоже волнуюсь за него, – на плечо легла рука, – но ты ведь понимаешь, что это его дорога, которую он должен пройти.

– Власий, я все понимаю. Я понимаю это каждый раз...

– И каждый раз ты волнуешься, словно в первый, – закончил за него старый друг. – Я тоже беспокоюсь. Он давно не появлялся, пора бы уже.

– Пятьсот лет прошло.

– Для них это много, – вздохнул Волосов, присаживаясь рядом. – Да и для нас тоже, – негромко добавил он.

Родов запрокинул голову, медленно втянул воздух через нос и... закатил глаза, пока не остался только белок.

Он дышал глубоко, шумно втягивая и выдыхая кислород. Тело мелко подрагивало, а руки, лежащие на коленях, начали чертить на брюках какие-то символы. Воздух в квартире уплотнился до состояния киселя, свет начал быстро мигать, стены пошли трещинами, что поползли вверх, на потолок. Доктор приподнялся над скамейкой, тело буквально ходило из стороны в сторону – так его начало трясти. Пальцы все быстрее чертили древние знаки, но теперь в воздухе, где они появлялись черным дымом, что сразу, же таял. Раздался треск и потолок рухнул, обнажая голубое небо, которое тут же заволкли черные тучи и яркие молнии разрезали его на куски.

– Все хорошо, – выдохнул Родов. – Они возвращаются, – сообщил он, на секунду закрыв глаза и открыв их уже нормальными.

Петр Михайлович отер выступившую испарину и посмотрел на Власия.

– Спасибо. Извини, что приходится тебя просить об этом, когда Баюна нет.

– Ничего... Нормально. Я сам за Лелю беспокоюсь.

Доктор посмотрел на целую квартиру, которая нисколько не изменилась, пока он был в трансе. На чуть дрожащие от напряжения пальцы, которые пришлось сжать в кулак, чтобы немного успокоить. Заглядывать сквозь время дело очень сложное, особенно если пытаешься узнать будущее. Родов это умел, но пользовался такой возможностью крайне редко. Он бы никогда это не делал, если бы испытывал, хоть десятую часть той боли, что сопровождает эту способность. Гамаюн-птица легче проникает во время, поэтому Власий пользовался ее услугами, но вчера Баюн улетел и когда он вернется неизвестно. А тут еще этот нервный звонок.

– Выпей, – принес Волосов с кухни чашку настоя.

– Спасибо.

Черная как смола жидкость освежала и придавала сил, стоило только ее выпить, ведь вкус у нее как у свежесобранной смолы.

– Я пойду к себе, надо Лелю встретить и Ладу успокоить.

Родов открыл дверь и первое, что увидел ошарашенное лицо.

Илья все никак не мог отделаться от картинки, что он увидел. Когда встревоженная Леля позвала его, он ринулся к ним и на очень долгую секунду увидел... или все же показалось?

Вместо Лели стояла какая-то девчонка лет восемнадцати: на голове венки из полевых цветов, золотистые волосы рассыпаны по плечам и опускаются к поясу, в руках она держит ромашку, и одета с легкое светло-зеленое платье, что для этой погоды явно не подходит, к тому же учитывая, что девушка стояла босиком. На месте Маруси находилась высокая женщина лет тридцати, с распущенными черными волосами, что сливались со столь же черной одеждой, на губах играла еле заметная улыбка, а вот глаза были холодны, как космос и такие же глубокие. И что-то в этих двух особах было схожим, словно они сестры. Слава Богу, на

месте Щура был сам Щур, что внимательно следил за хозяином, пока рука женщина гладила его по мохнатой голове.

Все видение продолжалось не больше секунды-двух. Юноша пару раз мотнул головой, и изображение встало на свое место: Леля, Маруся, Щур – такие как он, привык их видеть.

И вот теперь Илья не может понять: было ли это в действительности, или вчерашнее падение пустило более крепкие корни в него и сейчас дает о себе знать галлюцинациями? Девочка с собакой шли в двух шагах впереди, уже не рискуя далеко уходить, а Леля крепко держала его за руку, боясь отпустить, и иногда прикладывая платок к порезам на щеке.

Бомжу удалось его задеть, и когти оставили небольшие следы, которые чуть пощипывали. Других серьезных травм не было, больше всего пострадала куртка, которую, к сожалению, пришлось выкинуть: что в ней, что без нее – все одно холодно.

Он искоса поглядывал на девушку, пытаясь разрешить неожиданный ребус видений, но перед ним была все та же Леля: красивая, умная, желанная, любящая – ангел для него.

– Я пойду, – тихо шепнула девушка на ухо. – Проснись, принц.

– Извини, залюбовался, – очнулся Илья от размышлений. – Что, уже пришли?

– Да, – улыбнулась Леля. – Я сама поднимусь, не волнуйся. Лучше Марусю отведи, – кивнула она на малышку, что повисла на собаке и откровенно зевала.

– Ты как?

– Илья, все нормально... Иди, – повернула она парня спиной и хлопнула по попе.

– Я тебе завтра позвоню, – оглянулся Волосов. – Пошли, – взял он ребенка на руки. – Тебе уже спать пора.

– Угу, – раздалось сонно.

– Щур, – негромко позвал юноша и пес, мотнув головой, последовал за ним.

Кира Кирилловна отрывалась. В прямом смысле этого слова: Марька ушла гулять с этой псиной и парнем, так что можно себе позволить. Жаль, конечно, было выбрасывать кашу – еле рука поднялась, – а все этот звонок, будь он неладен. И нужно было этому уродцу так яростно звонить.

– Кретин, – выругалась старушка, выливая кашу.

Полчаса спустя, вода вновь закипела и теперь Кирилловна осторожно, медленно и со вкусом высыпала «Геркулес» с... любовью я бы даже сказал, помешивая его ложкой и вдыхая аромат.

Масло, много сахара и немного соли – так она любила, есть кашу. Скоро начнется ее любимый сериал, и она почти к нему готова. Осталось только налить:

– Вот она, – Кира Кирилловна достала бутыл, что была спрятана на антресолях, за старыми тряпками и бумагами – чтобы Марька не нашла. Граненый стакан наполнился зеленой пахучей жидкостью. – Готово, – чуть ли не пропела старушка, усаживаясь перед телевизором.

«Ящик» включен на нужной программе, ложка пошла на взлет, во второй руке своей минуты ждет стакан, можно... Вдруг резко зазвенел телефон. Так резко и неожиданно, что Кирилловна пролила немного жидкости – теперь придется срочно выводить, Марусе не очень нравится то, что бабушка пьет.

– Уроды, кретины, придурки. Зачем вас только родили? – ругалась она, подходя к телефону. – Да! – что есть мочи крикнула, надеясь этим ошарашить звонящего.

– Не ори, – спокойно ответили на том конце.

– Кто это? – уже менее громко поинтересовалась Кира.

– Это не так важно. Меня больше интересует кто ты? – голос был спокоен, безэмоционален, однотонен.

– Тебе чего надо урод? – взорвалась старуха. – Я тут, понимаешь, занята, а ты меня отвлекаешь от важных дел.

– Опять кашу свою жрешь, да винцом болотным балуешься, – это не вопрос, собеседник точно знал, что она сейчас делала.

– Откуда... знаешь? – сглотнула Кира Кирилловна.

– Знаю, – просто ответил голос. – Я много чего знаю.

– Подглядываешь, гад, – вдруг осенило старушку. – Ты где, гаденыш, где твои камеры, а? – не смотря на возраст, она была несколько продвинутой в техническом смысле – так что микроволновка и тостер ее не пугали, в отличие от ее подруг.

– Мне не нужны камеры, я и так все вижу.

– Ну, тогда смотри, – Кирилловна демонстративно отняла трубку от уха и громко положила на телефон. – Выкуси, урод.

Она была довольна собой. Была довольна, даже когда телефон надрывался несколько минут, пытаясь докричаться до нее.

– Что, не нравится? – наконец смиростивилась она, вновь беря телефон.

– Еще раз так сделаешь, – раздалось на том конце провода, и трубка вдруг превратилась в когтистую лапу, что схватила старушку за горло и сжало. Да так, что Кира испугалась. И не, потому что не могла дышать, она умеет обходиться без воздуха несколько часов, ее напугало само происшествие и голос, что вдруг обрел жесткие нотки. – Ты ведь не хочешь умереть раньше времени, кикимора?

– Нет, – прохрипела она.

– Вот и хорошо, – хватка мгновенно ослабла и в руках вновь была обычная телефона трубка. Первым желанием было отшвырнуть ее, но... – Даже не думай, – словно разгадав ее намеренья, раздался приказ. – Не в твоих интересах, – краткое, но очень емкое пояснение.

– Что тебе надо?

– Мне? – голос столь удивленный, словно это не он ей звонит, а она ему. – Мне – ничего.

А вот тебе я бы мог помочь.

– Я ничего не хочу, – тут же выпалила Кира Кирилловна.

– Ты в этом уверена?

– Да.

– Как насчет Марии?

– Не впутывай мою внучку, – вновь разозлилась старуха.

– Ты так и не поняла, КТО с тобой разговаривает.

В голове кольнуло, и Кира спала с лица, да так, что ее можно было спутать со штука-туркой.

– Что... нужно? – страх звучал в ее голосе.

– Не мне – тебе, – напомнил голос. – Я хочу избавить тебя от обузы, которую ты несешь все это время.

Родов открыл дверь и первое, что увидел ошарашенное лицо Киры Кирилловны. Лицо белое-белое, губы мелко подрагивают, а в глазах такой испуг. Она маленькими шажками вошла в квартиру. Правда, для этого пришлось обойти озадаченного увиденным врача.

– Власий, – тихо позвала она, потому что боялась говорить громко. Однако и этого было достаточно, чтобы из кабинета вышел Волосов.

– А, это ты, – увидел он соседку. – Что надо?

– Он... Он... хочет забрать ее, – голос тихий и испуганный.

– Кто и кого? – Волосов-старший, так же как и младший недолюбливал крикливую старуху, и лишний раз вступать с ней в полемику не собирался.

– Он, – произнесла она таким тоном, что даже Власий понял – дело плохо.

– Так, а теперь подробно, – провел он старушку в кухню и усаживая ее на стул. – Петр Михайлович, присаживайся, – кивнул он Родову.

– Пару часов назад прозвенел телефон и Он сказал, что хочет избавить меня от обузы, которую я долго нес.

Власий внимательно посмотрел на друга, но тот тоже был в недоумении.

– Что он имел виду? – попробовал уточнить доктор.

– Он знает, кто я, – выдохнула Кира.

– Все знают кто ты, – дед был немного раздражен.

– Он знает про Марию.

Вот это уже было гораздо серьезнее. Настолько, что Родов в который раз за этот день вытер выступившую испарину, а Власий последовал его примеру.

– Что он хочет?

– Я же говорила – избавить меня от обузы, – похоже, Кирилловна начала приходить в себя, проявляя сварливость характера.

– Он не сказал, что это?

– Нет, – но голос звучит обреченный.

– Что-то еще он сказал?

– Ничего. Просто сказал и положил трубку.

– А чего сразу не пришла? – спросил Родов. – Чего тянула.

– Тянула?.. Я бы на тебя посмотрела, если бы Он позвонил тебе и сказал такое, – недовольно проворчала в ответ Кирилловна. – Ты думаешь, легко такое принять?

– Ну, ты ведь в какой-то степени ему принадлежишь, – напомнил Власий.

– Иди ты со своей степенью, знаешь куда. Я к вам за помощью пришла, а вы... Даже не хотите помочь бедной старушке, – пару раз всхлинула Кира Кирилловна. – Внучку на кого оставляю, если со мной что случится?

– Хватит из себя строить, – строго оборвал лживый плач Родов.

Мало что могло его вывести из равновесия, тем более такой плач. А вот то, что могло, стало происходить слишком часто. Он посмотрел на потемневшего Власия. Тот сидел задумчивый, поглаживая бороду и о чем-то разговаривая сам с собой, губы неслышно двигались.

– Я за Марьку беспокоюсь, – уязвлено пробурчала старушка. – Останется ведь сиротой.

– Не останется, – негромко произнес Волосов. – Почему именно сейчас, он решил? – вопросительный взгляд на собеседников.

– Не знаю, – тут же ответила Кира, наливая вторую чашку чая.

– ЕГО не было пятьсот лет, и вот теперь у нас есть все шансы на появление. И вдруг звонит Он... Можно предположить, что это связано между собой, – высказал предположение Петр Михайлович.

– Вероятнее всего, – согласился Власий Петрович.

– И что нам делать? – проявила Кира заинтересованность.

– НАМ – ничего. Мы сами разберемся, – холодно посмотрел Родов на старуху.

– Между прочим, Он мне позвонил, – начала показывать Кирилловна гонор. – Если бы я к вам не пришла, то вы бы и ничего не знали.

– Если бы ты к нам не пришла, – сурово произнес дед, – то сама бы и разбиралась с этой проблемой.

– Не забывай, кто ты, – посмотрел на нее Родов.

Посмотрел так, что она мгновенно растеряла весь свой гонор и сжалась на стуле.

– Иди пока. Но если Он еще раз позвонит. Я хочу знать об этом не через два часа, а сразу, – кивком отослал испуганную старушку Власий. – Что думаешь? – посмотрел Волосов на Петра.

– Странно это все... Если ее хозяин захотел навредить нам, причем тут Мария и эта кикимора?

– Не знаю.

Звонок в дверь отвлек их от размышлений.

– Сейчас придем, в кроватку ляжешь, – Илья быстро донес полусонную Марусю до дома. Да что такое пройти пять корпусов, что разделяли его дом и Лелин? Девочка хлопала глазками, удобно устроившись у него на руках. Сзади чуть слышно шел Щур, внимательно осматриваясь по сторонам – хватит на сегодня сюрпризов.

Лифт скрипнул несмазанным механизмом и чуть подпрыгнул, останавливаясь на нужном этаже. С трудом – чтобы не беспокоить ребенка – Волосов все же нащупал звонок и пару раз позвонил. Дверь, как это ни странно, почти сразу открылась и на него – удивительно – никто не закричал. Только осторожно выглянула бабуля, словно боялась, что он пришел не один. Увидев внучку она, буквально вырвала ее у него из рук и, буркнув что-то похожее на «спасибо», захлопнула дверь.

– Повезло, – выдохнул Илья. Он уже приготовил защитную речь на вопрос «почему так поздно?» – обошлось. Даже как-то странно. – Пошли, Щур, дедушка уже наверняка волнуется.

Власия он нашел в кабинете, тот работал с какими-то документами. На столе куча бумаг, толстые фолианты, анатомические схемы, в некоторых местах обведенные фломастером.

– А, Илейка, – улыбнулся старик внуку. – Уже пришел? Я тут за работой засиделся, – он как бы извиняясь, указал на беспорядок на столе. – Как погуляли?

– Да, вроде ничего, – уклончиво ответил Илья. – Хотя...

Власий посмотрел на юношу из-под бровей, рассматривая в это время очередную анатомию.

– Какой-то бомж пытался напасть на Марусю, но, спасибо, Щур помог.

– Это он тебя так?

– Да, – притронулся Илья к порезам.

– Ничего, до свадьбы заживет. Твои девушки как?

– Леля – хорошо, да и Маруся особо не испугалась... Слушай, бабушка у нее сегодня какая-то странная.

– Почему?

– Да выглянула в коридор так, словно я с бомбой пришел, а не с ее внучкой. Потом вырвала из рук Марусю и тут же дверью хлопнула, даже не обругала и не накричала, представляешь?

– Бывают дни, когда даже самый плохой человек становится хорошим.

– Да, конечно, – несколько обескуражено произнес юноша. – Все равно странно. Ладно, дед, я к себе.

– Хорошо. Если захочешь, есть, – Власий многозначительно посмотрел на внука, – то ужин на плите.

– Власий Петрович, – укоризненный взгляд.

– Понял, – улыбнулся старик. – Беги, Илейка... О, а вот и герой дня пришел.

В кабинет вошел пес, осмотрелся и улегся рядом с креслом, положив голову на лапы.

– Спасибо, Щур, – выходя, потрепал по мохнатой голове Кавказа Илья. – Спокойно ночи, дед.

– Покойной, покойной... Ну, Щур... рассказывай, – обратился Власий к собаке, когда за внуком закрылась дверь.

— 9 —

Машина проехала по грунтовой дороге еще с километр, когда фары выхватили впереди металлический забор. Брелок мигнул красным и, с легким скрежетом, преграда ушла в сторону. Подъездная дорожка привела машину к двухэтажному особняку. Сейчас он был темен и глух, зазывая только впалыми окнами, провалившимся крыльцом, покосившейся дверь, что висела на одной петле. Внутри он бы вас позвал частично снятым полом, наполовину рухнувшей лестнице – на второй этаж уже не подняться, – разобранным камином, двумя стульями, мотком веревки, тремя толстыми свечами в небольших подсвечниках и магнитофоном.

Он вытащил ее с переднего сиденья: неудобно, конечно, но другого способа доставить ее в дом не было.

– Фирменная, рыбонька, – даже облизнулся он, разглядывая безвольно повисшее тело на руках. В раскрытом полушубке тело казалось белоснежным и столь привлекательным, что он не удержался и поцеловал полушария груди. – Фирменная, – улыбнулся, внося Радану в дом.

Злыдни сидели подле костра. Обложенный камнем огонь трещал, выпуская в морозный воздух снопы искр. Тут главное следить, чтобы лес не пострадал, иначе пострадают злыдни – лесной царь суров на расправу. Сидение перед костром не была необходимостью, скорее дань прошлому, когда вот также они садились в круг и делили добычу. Греться было не обязательно тому, кто даже в лютый мороз чувствует себя превосходно.

– Брыс, твоя очередь, – Вол указал пальцем на отморозка, что сидел напротив него.

– Пустовато сегодня, шеф, – на поднос легла пара тощих кошельков.

Да, действительно, на поднос – тоже традиция. Когда-то Вол его украл у местного помещика, за что чуть был не пойман. Поднос был серебряным, с окантовкой из мелких драгоценных камней... Которых в нем уже не было – продали или обменяли, – а вот сам поднос остался, как некий символ власти.

– Негру, а у тебя?

– Тоже пустовато, – ответил злыдень. Он получил свое прозвище за то, что был темнее своих собратьев – отец был арапом.

Кошелек и пара колец – мелко. Пес, Коготь, Вод и Мрак тоже ничем особым не порадовали. Все же дело у отморозков носит сезонный характер. Самое лакомое время – с весны и до начала осени. Вот зимой и глубокой осенью – как сейчас – дела идут хуже. Народ уже не так рьяно рвется погулять по лесу, подышать свежим воздухом. Клиентура мельчает прямо пропорционально световому дню. Жесть, Ирод и Толстяк все еще на деле и хотя на улице уже ночь, но вдруг попадется зазевавшийся клиент.

База злыдней располагалась в нескольких километрах от аллеи, на которой они так любили орудовать. Да, далеко, но и безопасней: Леший сюда редко заглядывает, человеческая милиция их здесь искать не будет... по крайней мере сразу. Так называемая база или «хата» попросту, представляла собой полуразвалившейся дом в заброшенном саду-хозяйстве. Одноэтажное здание, с тремя уцелевшими стенами упиралось прямо в лес – осторожнее с огнем: окна заколочены, потолок закопчен, а пол кое-где уже проваливается. Из того на чем можно сидеть только небольшой столик на колесиках и большая стопка газет. Столик, между прочим, был куплен. Да-да, не удивляйтесь. Злыдням для того и нужны деньги, чтобы покупать то, что они не могут украсть. Едой и кровом их обеспечивал лес, а вот все остальное приходилось доставать более честным способом. На подвижном столике

Вол – эстет недоученный – держал еду. Да и еще раз – да, даже в чертополохе есть что-то прекрасное, но в меру.

В этом хозяйстве были и другие дома, со всеми четырьмя стенами и даже внутри более целыми и удобными. Однако эта хата была выбрана специально – очень близко к лесу. Стоит руку протянуть, и ты уже во власти зелени, а уж если приходится убегать, то это совсем не заменимая стоянка.

В конце круга главарь выложил на поднос несколько мятых банкнот, тонкое серебряное кольцо, пару золотых сережек – все.

– Не густо, – посмотрели злыдни на сегодняшний улов.

– Бывало и хуже, – высказался Брыс.

– Бывало, – согласился Пес.

– Надеюсь, пацаны принесут что-нибудь существенное, – вздохнул Вод, поворачивая шампура.

– А вот, кажется и они, – прислушался Негру к приближающимся шагам.

Злыдни очень хорошо слышали и умели читать звук шагов, поэтому их так сложно было поймать. Ну и потом не особо половишь того, кто в лесу ориентируется как ты у себя дома.

– Их четверо, – недоуменно посмотрел Мрак на главаря.

– Гостя ведут, – предположил Вод. – Не хорошо это.

– Мрак, Негру, Брыс, Пес, Коготь в засаду, – быстро скомандовал Вол.

Отморозки растворились в лесу, словно их никогда тут не было. Главарь с «поваром» остались на месте. Не все так просто в этом мире стало за последние лет сто, и Вол это понимал. Его ребята могут привести гостя только в двух случаях: гость ценен, либо их пасут. Вот как раз второго-то шеф и остерегался, поэтому и послал пятерку парней в засаду: если что, будет очень неприятный сюрприз.

Пару минут спустя в дверь постучали условным стуком – тот, кто лез прямо в дом, получал по голове. Бывало, что и не вставал больше. Вол отослал кивком Вода. Тот сплюнул в костер и быстро подошел к двери, распахнув ее настежь.

– Чего такой нервный, бабу голую увидел? – раздался насмешливый голос Ирода.

– Свои, шеф, – бросил через плечо Вод и только потом отошел.

– Отбой, – при этих словах к костру вернулись остальные злыдни, что сидели в засаде.

– Гостя привели?

– Ага. Представляешь, Вол, сам к нам просился. Ну мы не стали отказывать, тем более что предложение заманчивое. Толстяк, Жесть, покажите клиента, – ухмыльнулся Ирод.

Двое злыдней ввели в комнату гостя: небольшой рост, разорванная одежда и набухающим фингал под глазом. Злыдни разом ошетинились.

– Ты чё делаешь, козел?.. Отпусти меня, – пыталась вырваться из веревок Радана.

Она очнулась минут пять назад в каком-то заброшенном доме. Клиент – урод – вначале был таким вежливым и услужливым, но стоило отъехать на пару километров, мигом стал сукой и последнее, что она помнит сильный удар в челюсть. И вот теперь она привязана к стулу, абсолютно голая, а на улице, между прочим, ноябрь месяц. Спасибо, этот придурок догадался разжечь костер, а то бы она совсем околела.

Клиент все это время стоял к ней спиной и что-то делал за небольшим столиком. А Радана почти голос сорвала, пытаясь докричаться до него.

– Слушай, если это твои перверсии, то давай в другой раз. Я даже деньги верну, – попыталась она еще раз более спокойным голосом. Тем более что: во-первых, с ней подобное уже случалось – ну нравится некоторым игры; а, во-вторых, клиент был голым.

– Я заплатил за ночь, рыбонька, – наконец ответил он.

- Если со мной что-то случится, хозяин тебя найдет и шкуру живьем спустит.
- Не найдет.
- Все видели, как я садилась к тебе в машину, и если я не вернусь утром, тебе кишки выпустят!
- Я заплатил за всю ночь, рыбонька, – голос ровный и спокойный. – Так что через пару часов после рассвета тебя найдут.
- Хозяин тебя отыщет, – зло прошипела Радана, веревки больно впились в нежную кожу.
- Меня никто не найдет... – клиент повернулся к голой проститутке, – рыбонька.

В эту ночь Илья спал плохо. Сначала ворочался до половины второго, потом ему стало душно, и он открыл окно, потом холодно – пришлось вновь вставать и закрывать. Когда он, наконец, забылся сном, то какая-то чепуха поселилась в голове.

Его окружал лес: высокие деревья подпирают свод неба, утыкаясь в него острыми верхушками; необъятные стволы растут прямо из земли, уходя своими корнями глубоко под землю; листья столь огромны, что ими можно укрываться как одеялом. Но угнетало не то, что здесь Илья чувствовал себя маленьким... нет, даже микроскопическим, а то, что в воздухе висела звенящая тишина. Столь непроглядная, что стук собственного сердца казался взрывом ядерной бомбы, а дыхание – ураганом, который вот-вот унесет его.

Он чувствовал, что в лесу было что-то большое, сильное, но... не страшное. Казалось, что лес – одно живое существо.

- Здравствуй, – вдруг зашелестели листья.
- Здравствуй, – пронесся ветер.
- Здравствуй, – раздался голос над ухом и Илья, вздрогнув, обернулся.

Перед ним стоял дядя Митя, только странный какой-то: одет в звериные шкуры, словно какой-то неандерталец; черные волосы опускаются ниже плеч; глаза чуть на выкате; но самое странное – зеленая борода. Темно-зеленого цвета с застрявшими в ней веточками и листочками. На плече лесника сидел нахохлившийся черный ворон, и одним глазом рассматривал Илью.

- Дядя Митя, – недоверчиво переспросил Волосов.
- Здравствуй, – вновь произнес лесник, с улыбкой поглядывая на юношу. – Давай я покажу тебе царство.
- Ладно. – Хоть Иля и доверял Дмитрию Ивановичу, но странный внешний вид, да и крупная птица на плече, что так недобро смотрит, заставляло его быть осторожным.

Лесник пошел прямо на ближайшие деревья, которые к удивлению разошлись в сторону, стоило только к ним подойти. Трава разбегалась, открывая широкую тропу по которой неспешным шагом удалялся дядя Митя. Илья бросился следом, потому что испугался, что деревья вновь сомкнутся.

Они шли недолго. Лес вокруг жил: птицы, звери, насекомые, кусты, деревья, даже трава: пели, рычали, шумели, шелестели и замирали, стоило только леснику пройти рядом. Наконец впереди образовался просвет. Яркое солнце бросилось в глаза так внезапно, что их пришлось зажмурить. А когда он вновь смог видеть, то обнаружил, что стоят они на большой поляне, настолько широкой, что лес еле-еле угадывался на горизонте, темной стеной.

- Где мы?
- Это только небольшая часть царства, но для меня одна из самых прекрасных, – любовно вздохнул лесник.
- Красиво, – согласился Илья.

Поляна, хотя это скорее было огромное поле, было густо усеяно изумрудной травой, таким разнообразием цветов, что пестрило в глазах, а в центре высились каменные столбы

такие большие, что даже на таком расстоянии – а до них километра два – они были прекрасно видны невооруженным глазом.

– Небесные врата, – проследил за взглядом Волосова дядя Митя. – Считается, что вошедший в них, Взойдет на Небесный трон.

Илейка только недоверчиво посмотрел на него. Это конечно сон и здесь возможно все... даже вот так подпрыгнуть... Хм, не получилось – неправильный сон. Все же зачем так заливать? Этот, пусть и громадный, Стоунхендж больше подойдет для какого-нибудь сна про рыцарей, но здесь он только портит картину.

– Вот и они, – обратил внимание юноши лесник на быстро приближающихся людей.

– Вы, охренели?! – набросился Вол на Толстяка и Жесть. – Какого черта он тут делает?

– Э, шеф, он дело предлагал, – растерялся Ирод. Он ожидал подобную реакцию, но не такую сильную.

– Выкинуть этот мусор отсюда. Быстро!

– Да ты хоть выслушай его, – попытался успокоить злыдень главаря.

– Ты не понял, Ирод? – Вол повалил отморозка на пол, схватив за грудки. – Ты знаешь закон.

– Знаю, – Ирод был ошарашен.

– Что он говорит?.. Что, злыдень Ирод, он говорит?

– «Каждый злыдень обязан истреблять татя посягнувшего на его земли» – так закон гласит, – прохрипел отморозок.

– Так почему он до сих пор жив? – Вол нанес несколько ударов кулаком.

– Шеф, эта мразь дело предлагает, – попробовал вступить за товарища Толстяк.

Вол ненавидяще посмотрел на злыдня и прорычал:

– Тоже хочешь?

– Нет, – довольно спокойно ответил отморозок.

«Толстяком» его прозвали, потому что он был тяжелее остальных товарищей. Нет, он не был толстым, как это принято – просто на фоне остальных, худощавых злыдней, он выделялся некой крупностью. За что и получил такое прозвище. А еще он был самым сильным из их команды, так, что даже Вол порой остерегался связываться с ним. Вот и сейчас главарь только зыркнул по сторонам, ища поддержки, но остальные молчали.

– И что он предлагает? – поднялся он с груди Ирода, тот облегченно вздохнул.

– Ты, помнишь парня летом?

– Какого еще парня? – недоуменно посмотрел Вол на татя. – О чем ты базаришь, мразь?

Но глаза. Глаза не только видят, но и выдают. Злыдень сразу понял, о ком идет речь – такое не забывается. Он никогда не испытывал подобный страх, даже когда Леший за допущенную провинность гонял по всему лесу, ему не было так страшно, как тогда.

– Вижу, ты понял о ком идет речь, – позволил себе усмехнуться Рог.

Да, татя настолько обезумел от желания осуществить месть, что решил попросить о помощи злыдней. Он понимал, что дело это очень опасное. Древняя вражда между ними не дает ему малейшего шанса, если только... Если только он быстрее не сумеет заинтересовать отморозков.

– Э, о чем базар? – возмутился с пола Ирод. – Ты говорил, что знаешь, как бабки побыстрому срубить.

– Я обманул, – признался татя.

– Ах ты, козел! – взвился злыдень. – Да я тебя на дереве распну, как Леший канарейку.

Небольшое отступление. Ирод не употребил какую-то метафору в своей яркой фразе. Такой случай в действительности произошел. Дело было лет двести назад, когда на месте

нынешнего города стояло большое поместье. Так вот хозяйка этого имения любила певчих птиц: ну а в тогдашней России из певчих были только ворона, да кукушка. И вот из-за границы, транзитом через Москву были выписано несколько кенаров и канареек – чудо-птицы, что не только радовали глаз, но и слух.

Незнамо как это случилось, видимо кто-то из служанок забыл закрыть клетку, но одна из канареек улетела. Кстати потом одной из девок отрубили за это руку, дешевле купить новую прислугу, чем одну птицу.

Вот эта дуреха желтоперая рванула в лес. Видимо думала, что эта самая короткая дорога обратно к дому, но... ошиблась. В этот день у Лешего настроение было, хуже не придумаешь, и он искал на ком бы отыграться. Только лесное зверье тоже не без мозгов и понимало, что попадаться лесному царю – лучше на сосне повеситься, не так больно будет.

Вот идет Леший по лесу, морда злая, глаза молнии стреляют, за собой такой бурелом оставляет, что потом сам же и пролезть через него не мог. И тут эта дура яркая, увидела его и, видимо, приняв за свою маму или папу, рванула наперерез и как начнет заливать на своем, на иностранном.

Сначала царь от нее просто отмахивался как от комара. Потом попытался ее послать. Отослал в такие степи, что остальное зверье даже удивленно повылазило из корней-пещер. Так ведь ей нейдет. Вместо того чтобы экспрессом следовать в указанном направлении, она залилась еще большей трелью, да столь радостной, что даже солнышко решило послушать ей софитом.

Вот этого уже Леший выдержать никак не мог. У него, понимаешь, настроение с утра никакое, а тут какая-то вошь тебе все уши прожужжала своими песнями. Все кончилось тем, что бедную канарейку вдавило в ствол дерева ТАК, что ее отпечаток долгие годы напоминал о беспощадности Лешего. Удар был настолько сильным, что первыми опали перья, пух исчез вторым, а в дерево впечаталась окровавленная тушка, некогда яркой певчей канарейки.

Так что Ирод не преувеличивал, когда обещал распять Рога. Но вернемся к нашей отаре.

– ...Да я тебя на дереве распну, как Леший канарейку!

– Ирод! – остановил злыдня голос главного, а то татю бы не повезло. – Оставь его.

– Но, шеф, он тут фуфло нам заливает.

– Я сказал, оставь, – металлический голос не обещал ничего хорошего.

Отморозок уничтожающе посмотрел на Рога, сплюнул на пол и плюхнулся рядом с костром.

– Что ты хотел нам предложить, тать?

– Знаешь, рыбонька, как поступают с очень плохими девочками?

– Может, ты мне скажешь.

Теперь в голосе Раданы не было страха или злости. Клиент повернулся к ней и никакого орудия пытки или убийства, которое, как она ожидала, у него в руках не оказалось. Вместо этого похотливый взгляд по обнаженному телу и вздыбленный член. Он, улыбаясь медленно, подошел к ней.

– Очень плохих девочек, рыбонька, наказывают, – произнес клиент елейным голосом.

– Ну так накажи меня, – взгляд похотливый, она уже готова.

Стоит ему только начать и он не сможет остановиться, пока она не выпьет всю его душу. Клиент станет рабом, а когда освободит ее, то Радана убьет его, зато что он посмел так напугать.

Мужчина присел напротив, провел руками по ногам снизу вверх, медленно, как бы наслаждаясь каждым сантиметром ее тела. Горячие ладони остановились на бедрах, про-

никли на внутреннюю сторону и резко раздвинули их в стороны. Радана чуть вскрикнула от неожиданности, и оттого, что начала заводиться. Он поцеловал ее коленку и стал подниматься выше. Губы чуть захватывая кусочек кожи, заставляли ее трепетать и покрываться мурашками, чего с ней раньше никогда не случалось.

– Давай же, – сладострастным голосом попросила она, закрывая глаза. – Я уже не могу ждать.

– Я тоже, – бедро стало горячим от его дыхания. Он приближался все ближе к заветной цели. Еще немного и клиент войдет в нее, навеки становясь рабом, а потом и трупом. О, как она будет счастлива, выпивая его душу: он будоражил ее сознание, заставлял трепетать сердечко. И какие восхитительные мурашки пробежали по ее обнаженному телу, когда он коснулся ее губами там.

– Да, – медленно выдохнула Радана. – Еще.

Бедро становилось все горячее, дыхание учащение, она истинно хотела его.

– Быстрее, быстрее... давай, – зашептала она.

– Подождешь, – холодный голос ворвался в возбужденное сознание. Радана недоуменно открыла глаза... и закричала.

Нет, он понимал... головой понимал, что это его друзья и родственники, но вот глаза отказывались верить, что эта женщина в черном – Маруся. А вот этот величавый старик в коричневом балдахине и с деревянным посохом в руках – дедушка Власий. Родов – старче с умудренными глазами, в белых одеждах и столь же белыми волосами ниже плеч.

– Гошка? – недоверчиво посмотрел он на молодого паренька.

Ему и пятнадцати лет не дашь. На голове венки из цветов, русые кудри рассыпаны по плечам, взгляд хитрющий и задорная улыбка. Длинная рубашка расшита красными нитями и яркими полевыми цветами, а босые ноги утопают в траве. Леля... ЛЕЛЯ! Лишь немногим отличается от приятеля, словно сошли с одной картины. Все тот же венок из полевых цветов, легкое платье и босые ноги, а улыбка такая же задорная и понимающая.

– Привет, Илюха, – обрадовался Георгий другу и обнял его, похлопывая по спине так, как будто они не виделись лет сто. – Решил посмотреть свое царство?

– Мое царство? – недоверчиво посмотрел Илья.

– Ну да. А разве тебе Леший не сказал?.. Дмитрий Иванович, что же вы так? – в голосе был слышен укор.

– Пускай сначала осмотрится и обвыкнется, прежде чем с радости ума лишаться, – пояснил лесной царь. – Пока это еще не его.

– Эх, Илейка, завидую я тебе. Ты посмотри, какая красота тебе достается, – рука описала полукруг, охватывая пространство.

– Да, – согласился Волосов, глядя в это время на Лелю, а та – скромница – аж покраснела, отведя глазки.

– Ты не на нее смотри. Ты туда смотри, – силой повернул голову друга Гоша. – Вон, где красота.

– Оставь его, – на плечо легла рука Власия. – Он влюблен, а это самое важное. Царство подождет.

– Ты прав, – согласился паренек. – Ладно, любуйся ей, а потом пойдет к Небесным вратам, – легко толкнул он Илью.

Врата были не просто большими – огромными. Казалось, тяжелые каменные колонны упирались прямо в небо, а обхватить каждый столб не могли бы даже десяток человек, но между ними можно спокойно пройти, раскидав руки в стороны. Небесные врата стояли правильным кругом, и ни одна травинка не могла зайти за этот круг. Внутри только голая земля, твердая как сами ворота, а посередине стоит, или лежит какой-то постамент: темный, почти

черный камень, плоский и без единой трещины, такой гладкий, что в него казалось можно смотреться как в зеркало. Он возвышался всего на пару метров, и к нему вели три черные ступени, широкие, но низкие, больше напоминающие неровности на земле. Наверху поста-мента имелось два углубления, очертаниями похожие на ладони.

– Лишь избранный сможет Взойти на трон и приложить свои длани, – произнесла Маруся, обходя плиту и проводя по ней рукой. – Готов ли, ТЫ, занять это место? – неожиданно спросила она, пристально вглядываясь в лицо Ильи.

– Я? – юноша недоуменно смотрел на остальных, взглядом ища поддержки, но они молчали, лишь вопросительно взирая на него. – Я не готов. Потом, почему именно – я? Что других кандидатов не нашлось?

– Правильный ответ, – чуть улыбнулась женщина в черном. – Никто не достоин этого трона в данный момент. – Ни он, – длинный палец указал на дедушку, – ни он, – теперь он показывает на лесника, – даже он не достоин, – Родов, соглашаясь, на миг прикрыл глаза. – Молчу про твоего друга балагура.

– А я и не претендую. Мне и на своем месте хорошо, – быстро выпал Гошка, скривив смешную рожицу. – Пусть другие штаны протирают здесь, а я ветер вольный, гуляющий, где хочу и когда хочу. Я же Ярило, братцы! – прокричал он, высоко подняв голову.

– Может, ты хочешь, Рожаница? – Мария обратилась к Леле.

– Ты же знаешь, что нет. На трон Взойдет только тот, кто предназначен для этого, – тихо ответила она, не отрывая взгляда от Ильи.

– Избранный, – женщина как будто попробовала слово на вкус. – Глупое клеймо. Он не депутат, чтобы его избирать. Он еще до рождения знал, кем будет. Осталось только вспомнить свое настоящее имя.

– А как меня зовут? – дрогнувшим голосом спросил Илья, смотря на окружающих.

– Так ты предлагаешь пацана, убить? – в который раз пытался уточнить Вол.

– Да, – уже в который раз подтверждал свои намеренья Рог. – Он нанес тебе оскорбление, неужели ты оставишь это просто так?

– А тебе какой резон, тать? – холодно поинтересовался злыдень.

– Месть. Холодная и беспощадная, всекарающая и неизбежная, – глаза Рога вспыхнули. – Он посмел дважды нанести мне оскорбление и должен за это умереть, – кулак вре-зался в открытую ладонь.

– Чё ты от нас хочешь? – поинтересовался Толстяк, грея руки у костра.

– Что бы вы помогли мне убить его.

– С какой вдруг радости? – несказанно удивился злыдень. – Нет, Ирод, ты слышал. Эта мразь хочет, чтобы мы завалили какого-то пацаненка. Слышь, фраерок, это твое дело, кто тебе там по мордам надавал. Вот сам и разбирайся.

– Толстяк, дело говорит, – поддержал товарища Негру. – Чего нам влезать в это дело?

– Да он вашего главного оскорбил, – взвился Рог. – Нельзя человеку прощать такое.

– Пофиг, – отмахнулись разом Мрак, Жесть и Коготь.

Злыдни действительно спокойно относились к тому, что кто-то оказался сильнее их. Они не строили радужных перспектив о своей силе и ловкости, поэтому на дело выходили по несколько человек. Ну надавал им кто-то по шее, такое было уже не раз. Что теперь из-за этого самостоятельно в петлю лезть?

Рог обреченно смотрел на отморозков, понимая, что его замысел рушиться на глазах. Злыдни оказались не совсем такими, какими он их помнит.

– За мальчишку можно большой выкуп потребовать, – попробовал он сыграть по-дру-гому.

– Мы не занимаемся похищениями, – ответил за всех Пес.

– Значит, человечиска уйдет безнаказанным? – откровенно стушевался тать. Ох, не на это он рассчитывал, – Ты что трусил, Вол, да?.. Да, трусил, испугался какого-то мальчишку! – взвился он, боясь признаться себе, что проиграл.

– Не забывайся, тать, – прорычал отморозок, глядя на существо из-под бровей.

– Тебя избил пацан, а ты – трус, боишься его за это наказать! – не унимался Рог.

В следующую секунду Пес, Вод и Брыс прижали его к стене, а подскочивший Ирод нанес несколько ударов в живот.

– Ты забыл, мразь, где находишься и с кем разговариваешь, – выдохнул он ему в лицо. – Это ты пришел к нам за помощью, обманув при этом, – еще два раза кулак врезался в тело. – И здесь же умрешь, если не закроешь свою поганую пасть!

– Вы все трусы, – прохрипел Рог. – Я думал вы злыдни, а на деле...

– Заткнись, сука, – удар пришелся в челюсть.

Все это время Вол молчал, лишь наблюдая за перипетиями товарищей и татя. В чем-то, конечно, Рог прав – оскорбление, месть и все такое, а с другой – если он каждый раз будет убивать тех, кто дал ему отпор. Да, злыдни убивали, причем не редко: грабя, насилуя, несколько раз, просто так – потому что настроение плохое, но тут главный не видел резона, а подставляться лишний раз он не хотел. Самое простое было убить татя, и сделать вид, что он здесь никогда не был.

– Вспомни, закон, – еле прохрипел Рог, понимая, что это его последний шанс.

Подействовало. Злыдни прекратили бить, но отпускать не торопились. Ирод зло смотрел на него, но не трогал, только бессильно сжимал кулаки.

– При чем тут закон? – не совсем понял Вол.

– Закон гласит, что «человек, оскорбивший высшее существо должен понести за это наказание», – скороговоркой выпалило прижатое к стене существо.

– Это старый закон – много воды с тех пор ушло, – напомнил Толстяк. – Много изменилось, в том числе и люди.

– Закон не приложен и никто его не отменял, – сделал упор тать. – Вы должны следовать законам.

– Мы ничего не должны, – хищно посмотрел Ирод.

– Закон не исполнялся более трехсот лет, – напомнил Вол. – Почему ты о нем сейчас вспомнил?

– Я должен отомстить, – рванулся Рог, пытаясь освободиться, но его крепко держали. – Я чту закон.

– Мы тоже чтим, – угрюмо ответил Негру, поглядывая на шефа, – а он гласит...

Неожиданный крик, полный боли и отчаянья донесся до стана злыдней.

– Вы это слышали? – недоуменно посмотрел Вол на товарищей.

И как бы в ответ вновь слух резанул надрывный крик.

– Кто-то развлекается без нас, – высказал предположение Ирод.

Радана недоуменно открыла глаза и закричала. На нее смотрели оранжевые глаза с красным вертикальным зрачком, а из-под ухмыляющихся губ выглядывали большие клыки.

– Знаешь, какое мое самое любимое блюдо?.. Рыба, жаренная на медленном огне, – блеснуло глазами существо и дико захохотало, вытаскивая из-под стула свечи.

Русалка закричала, понимая, что придумал этот урод.

– Не кричи. Здесь все равно никого нет – место заброшенное, – спокойно попросил клиент, подходя к костру.

– Хозяин найдет тебя, – завопила проститутка.

– Водяной меня никогда не найдет. А будешь так орать и тебя тоже, – оглянулся мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.